

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Книга для друзей

Редактор – Борис Поляков
В оформлении обложки использован рисунок
Татьяны Плехановой

Вдохновение – это неиссякаемая Чернильница, в которой люди творческие черпают идеи, образы, созвучия... Именно благодаря Вдохновению строится человеческая цивилизация, в том числе и самая удивительная её часть – Литература.

С тех пор, как появилась письменность, люди неустанно обращаются к этой Чернильнице, дабы выразить свои переживания, чувства, дабы запечатлеть мгновения радости, любви, красоты... И каждое новое поколение, восхищаясь достижениями предшественников, старается приумножить эти богатства, заявляя о себе всеми возможными выразительными средствами.

Моё поколение также не избежало этого. И нам есть о чём рассказать! Несмотря на драматические события восьмидесятых, когда, казалось, мир перевернулся с ног на голову, открыв настежь все окна и двери, опьянив ощущением свободы и вместе с тем уничтожив всё, во что мы верили; несмотря на разрушительные девяностые, развалившие огромную страну, разделившие нас по национальному и территориальному признакам; несмотря на все испытания, выпавшие на нашу

долю, - мы умеем любить, ценить красоту окружающего нас мира, умеем сострадать и совершать благие поступки. Мы живём с Вдохновением!

И все мы вышли из самиздата. Немногие знают о существующем до сих пор – и это в век Интернета! – литературном самиздате. Конечно, сейчас, повзрослев, большинство из нас влилось в поток «официальной» литературы, вступив в творческие союзы, издав серьёзные книги, выступая на различных мероприятиях со своими стихами и песнями... А ведь совсем недавно, в «нулевые», авторы данного сборника – все мои друзья! – публиковались в самодельных газетах и журналах (а некоторые их издавали), учились друг у друга мастерству... И питала нас всё та же Чернильница – Чернильница Вдохновения!

Эта книга – для друзей. И не важно, знаю я Вас лично или нет, ведь все, кто любит Слово – мои друзья.

Я благодарен авторам, принявшим участие в данном сборнике, благодарен Читателю, открывшему книгу на первой странице. Кроме того, хочу выразить огромную благодарность Российскому союзу профессиональных литераторов и лично

Председателю РСПЛ Михайловской Татьяне
Георгиевне, Заместителю председателя РСПЛ
Соколову Виктору Анатольевичу,
Ответственному секретарю РСПЛ
Александровой Лидии Ивановне, чья поддержка
и стала фундаментом моей «Чернильницы».

Пока источник Вдохновения неиссякаем,
мы живы!

Борис Поляков,
*член Российского союза
профессиональных литераторов*

Олег Гальченко

У холодной батареи
я стою и морду брею.
Мне бы стать чуть-чуть добрее –
только не с утра.
Полыхает алым осень,
листья рвёт и травы косит,
и колотят капли оземь
нынче как вчера.

Холода пришли внезапно.
Невозможно предсказать нам,
что за время года завтра
в двери постучит.
И, взирая на красоты
засыпающей природы,
снова насморком народы
давятся навзрыд.

Побережь бы людям нервы!
Нынче в Африке, наверно,
от жары размокли негры –
вдалеке от бед,

хоть не сеют и не пашут,
без штанов под пальмой пляшут,
и долги прощает даже
добрый Старый Свет.

Но попробуй, обнаружь-ка,
в ком из них родился Пушкин.
Им такой сосед не нужен!
Заживо сожрут,
а потом закусят нимбом.
Шестикрылый Серафим бы,
гордо рея, словно вымпел,
не вспугнёт паскуд.

А у нас на нервной почве
кто б чего ни напорожил –
не одарят, не замочат.
Бедный и больной,
но живёт пророк беспечно.
Без штанов – оно, конечно,
много ближе к темам вечным
и к земле родной.

День тяжёлый – понедельник
для других. А я – бездельник.
В мире много дел и денег
не про нашу честь.
Осень. Крыши едут юзом,
расправляют крылья музы...
Я торчу, как член Союза
всем, что только есть!
2005 г.

Е.П.

Поныне почему-то не забыл,
как опускался тот промозглый вечер,
и как февраль зубною болью ныл
о чём-то о своём, нечеловечьем.

И не хотелось никаких чернил,
а плакать так и вовсе было глупо.
Я над собою самосуд чинил,
кусая в кровь растресканные губы.

В уме опять роились имена
всех дорогих и проклятых когда-то.
Как горько понимать, что жизнь одна
и видеть за спиной одни лишь даты,

и ни души, и даже ни следа,
хоть каждый шаг на нерве болью выжжен!..
Да, выход где-то рядом – но куда?
Седьмой этаж не только к небу ближе...

Молчал не первый месяц телефон,
урчал эфир фальшивой сладкой нотой.
А после был тяжёлый мутный сон,
где я спасал и предавал кого-то.

Но поутру безликий, словно тень,
жалел, что даже этот сон не вечен.
И ждал меня банальный зимний день.
Всего лишь день до нашей первой встречи...
март 2007г.

Кинематограф чёрно-белый,
свидетель судеб и сует,
что ты с двадцатым веком сделал,
какой оставил странный след
на чёрных свитках бесконечных
и безголосых до поры!
Лежат отсюда недалече
потусторонние миры,
где прошлым станет всё нескоро,
где, невзирая на чины,
тираны, иноки, актёры
перед историей равны.
Уже лежат на лицах тени
смертей, страданий и разлук,
и каждый – только современник
грядущих бед, грядущих выюг.
Последний довоенный праздник
шумит наивно и смешно...
Но как мгновение прекрасно,
когда оно сохранено
и может снова повториться,
обдав прохладой невзначай
самодовольных очевидцев,
перед экраном пьющих чай!

2009 г.

ПОЛНОЛУННАЯ СОНАТА

Полнолуние, по слухам
нынче ночь посеребрит.
Ну, а я – ни сном, ни духом,
всеми проклят и забыт.

Не добит – и то отрада!
Ветры – с пятой стороны...
Никуда спешить не надо.
Всё сегодня – до Луны!

Не отбрасывая тени,
зависаю над столом.
В царстве злобных привидений
мне не в лом – и им не в лом.

Забирается прохлада
в запотевшие очки.
Ничего уже не надо,
никого... или почти.

Вот бы утром от кошмара
в том году очнуться вдруг,
где простое счастье – даром
для меня и всех вокруг!

Будет скука без причин, нестерпимая вначале,
будет зависть или злость в мире, полном
тишины.

Все, кого я приручил, за себя не отвечали,
и, быть может, потому ничего мне
не должны.

Стукачи и торгаши оценили ту свободу,
за которую я мог много-много лет назад
всё, что дорого, отдать – и уже полжизни
отдал,
чтоб полжизни приберечь для сомнений
и утрат.

А они спешили жить, лихо делали карьеру,
размножаясь и плодясь, на бабло меняя дни,
громко пели про любовь и несломленную
веру,
намекая между строк, будто Родина – они.

Свято верит большинство – так и есть
на самом деле.
Но словами не прикрыть первобытный голый
срам.

Власть и слава у того, кто присвоит
и поделит:
правосудие – себе, десять заповедей – нам!

Всё известно наперёд. Своё время каждый
тратит
как умеет. Но всегда
сеем мы – другие жнут.
Кризис возраста грядёт. Он войдёт и скажет:
«Хватит!»
Но не сможет объяснить, для чего мы
были тут...
2010 г.

Время гуляет по улице пьяною сволочью,
на все лады распевая похабный мотив.
Году осталось прилечь и подохнуть
под ёлочкой,
дозу мороза в распухшую вену всадив.

Это – не выход. Но это не больно, наверное –
лестницей белой на небо взобраться в ночи,
не разобрав, что огнями, дымами и нервами
город любимый в затылок тебе прокричит.

Не заморочить нам голову зимними сказками,
не подманить, не купить серебром декабрь.
Все мы – незваные гости вселенной
неласковой,
на перемену погоды надеемся зря.

Всю биографию втиснуть в короткое, крепкое
русское слово под грохот оваций в аду,
в телеэкран с президентом швырнуть
табуреткою
и под куранты опять загадать ерунду!..

Завтра, пока что на позавчера не похожее
только порядковым номером, скоро придёт
чистое, светлое, доброе – к каждому,
может быть...
Радуйтесь жизни, что стала короче на год!
декабрь 2010 г.

Валерий Тищенко

Ожидание

другу

Очень трудно ожидать.
Провожать ещё труднее.
Провожать в сто раз больше:
проводить и снова ждать...
А перрон, хоть и бетонка –
есть на что слезу пустить –
знает точно: очень тонка
нас связующая нить.

Проводить и ждать опять...
Ждать весенний, тёплый ветер,
умирая каждый вечер,
каждым утром воскресать.
Ждать, когда колёсный стук
возвестит о новой встрече.
Стук колёсный, как предтеча –
встреча, провода... И друг.

* * *

Этой жёлто-зелёной воды никогда не напиться,
В этом тёмно-коричневом небе мне звёзд
не видать.

Может что-то с рассветом присниться, но только
не сбыться

И надежду уже никогда, никогда не догнать.

Мне останутся эти глагольно-минорные строчки,
Вязкий воздух, в котором почти невозможно
дышать.

И душа моя, будто в чужой неживой оболочке,
Будет молча чего-то другого, живого желать...

Мне снится...

Мне снится клевер придорожный
и лес осенний и грибной,
и след лисицы осторожной,
и у дупла осиный рой.

Мне снится, как залив сверкает
огнями звёздных светлячков,
костёр искристый согревает
теплом нетрезвых рыбаков.

Мне снится запах голубичный
и первоцвет дурман-травы,
лесной посёлок пограничный,
ночное уханье совы...

Мне снится мир, который щедро
всё дарит людям, не тая:
женьшень, багульник, клюква, кедры...
Мне снится Родина моя!

Мне снится снег – январский, млечный,
блестящий в свете фонарей.

Проснусь – и ветер бесконечный,
и слизь декабрьских дождей...

* * *

Над посёлком звёздной крышей
ночь висит. Лежу и слышу –
сливы шлёпаются с ветки.
Нынче буду спать в беседке.
Мне в ночном прохладном лете
и в прозрачном лунном свете,
обо всём забыв, конечно,
хорошо храпеть беспечно.

Брешут псы неутомимо
на ночных гуляк, а мимо
тёмных, сумрачных заборов,
без цветастых светофоров,
полуночные машины,
выгнув призрачные спины,
мчатся к тёмным горизонтам –
их за ними кто-то ждёт там...

Кошка Ночка лижет палец.
Кот Михей, ночной скиталец,
влез ко мне под одеяло.
Спать втроём теплее. Мало
человеку ночью надо:
от Морфея жду награду.
Труд под летним солнцем жарок,
долгожданный сон – подарок...

Хор сверчков выводит трели.
В этой звёздной колыбели
глупо думать о ненастье...
Вновь сокру себе: я счастлив...

Летаю...

И у звёзд, и над крышей, и рядом с землёю,
иногда над долиной в туманных дымах,
иногда над искристой ночью рекою
я летаю с одной авторучкой в руках.

Представляете, братцы, лечу будто птица!
Вы, конечно, мне скажете: «Это во снах.
Да... пора тебе, парень, к врачу обратиться
и ему рассказать о незримых крылах».

Я без устали чудные рифмы роняю
прямо в нежные руки прекраснейших дам.
Из-за них я мечтаю, для них сочиняю
и с любой улетаю к далёким мирам.

«Ё-моё! Нету сил! Разлетались Поэты!» -
глядя вверх, матерятся трухлявые пни.
Дворник-ветер, тихонько мурлыча сонеты,
подметает осенние рифмы мои.

22.10.2007

Я пью тебя...

Я не могу тобой напиться до рассвета,
любовь моя безудержно щедра,
и звездопад – хорошая примета,
и ночь – нетороплива и мудра.

Я пью тебя, родная, - страстно, жадно,
пью как росинку с земляничного листа.
Ты девственно чиста и так прохладна,
что до полудня пахнут свежестью уста...

20.10.2007

Грустное

Боже мой, Господи, путь мой несправедный
и тяжелей его нет.

Весь от макушки до пят я неправильный
и одинокий Поэт.

Где оно, счастье уютного дома?

В каждом окошке беда.

От одного я ушёл, а к другому
я не приду никогда.

Господи, Боже мой, не отвернись же ты
в миг, когда я упаду,
злою Судьбой весь до капельки выжатый
в светлом весеннем саду.
Жизнь моя, звёздочка, быстрое времечко,
вспыхнув, погаснет – ничья.
Похорони меня, павшее семечко,
в тени берёз у ручья.

Песни, стихи и пиры хлебосольные
в прошлом остались. Прости
за прегрешения – чаще невольные.
Дай мне опять прорасти
деревцем тонким, лозой виноградной,
розой с росой в лепестках –
божьим коровкам на радость, и ладно...
Всё в твоих добрых руках...

12.02.2008

В дорогу

Ты собрался в дорогу, чудака-человек,
почему же не спишься спокойно тебе?
В этой детской ты начал свой жизненный век,
а закончишь неужто на дальней земле?

Слышишь шепот сирени во тьме за окном:
«Ты зачем покидаешь родные края?
Ты зачем оставляешь отеческий дом?
Там земля не твоя, не твоя, не твоя...»

За околицей змейкою – звонкий ручей.
Как приятно струится с ладошек вода!
Он источник Любви у Отчизны твоей –
утолит твою боль навсегда, навсегда...

Песней – скрип половицы у двери родной.
В вальсе кружатся флюгер с шальным ветерком.
Просит Родина тихо: «Останься со мной,
ты ведь сын мой, ты вскормлен моим молоком».

В небе яркий рассвет, облака-корабли
отражаются ало в зеркальной росе.
Как и ты, на чужбину летят журавли
и вернуться обратно, конечно, не все...

14.12.2007

Время

Время добыл я из светлого зимнего неба,
грея дыханьем, в ладошках сокровище нёс –
будто бродяга краюху духмяного хлеба.
Да не донёс... Растерял между белых берёз.

Я не просил, но мне дали высокие сосны
времени век: «Поживи для себя, человек!»
Я же по часу раздал, не считая напрасным,
всё для друзей, для больных и бездомных калек.

Снова добыл его в чистом ручье под рябиной.
Бережно нёс – так Любовь свою Нежность несёт.
Капли волшебные эти – подарок Любимой.
Вылью ей в сердце с ладошек,

пусть дольше живёт.

24.02.2008

Встретимся

Реки с морями встречаются,
осень с зимой обнимается,
месяц встречается с месяцем.
Может, сударыня, встретимся?

В золоте леса осеннего,
в запахе луга весеннего
встретиться надо бы, лапушка –
посередине ли, с краешка...

В парке под снежными звёздами,
в летнем дожде под берёзами,
даже случайно на улице
надо бы встретиться, умница...

17.03.2008

Снежана Андрианова

* * *

Я Золушка на жизненном балу:
Всегда спешу в урочный час уйти,
И будет принц прекрасный поутру
Над туфелькой вздыхать, а я – в пути...

А дома ждут привычные дела.
Вот только доброй феи в крёстных нет;
И вместо чувств – остывшая зола,
И в башмачке – окурки сигарет...

* * *

Вот так летит к чертям в Тартар
Всё, что зовётся вдохновеньем:
Божественный, прекрасный дар
Разит дешёвым откровеньем!

И хочется перечеркнуть
Крест *на* крест все свои работы,
И нос наморщенный уткнуть
В платок, надушенный до рвоты;

И хочет спрятаться душа
За камуфляж пространной фразы,
Но не выходит ни шиша –
Пишу понятно раз за разом!..

Змею-искусителю

Вы что-то поспешно
Шептали о грешном,
И жаркое жало
У уха дрожало.
Вы ТАК искушали
Забывать про скрижали!..
Манили соблазном
Напрасно, напрасно...
Ведь я же не дева
По имени Ева, -
С рожденья порочна:
Построфно,
 построчно...

* * *

Растрчивая слова,
Развенчивая богов,
Живу. И пока жива,
Мой мир состоит из стихов.

Любовь, революция, смерть –
Пустяк. На своём веку
Я выбрала право сметь
Всё это включать в строку;

Я выбрала право быть
За правым плечом и чуть над;
Я выбрала право жить,
Идя сквозь рифмованный ад:

Любую беду и боль
Пусти в свою душу и там
Держи и дожждаться изволь,
Когда выйдет время стихам.

А после не спи, как сова,
Шепчи их в бездонную тьму,
Растрчивая слова
И сердце, и жизнь саму!..

* * *

Рвётся вверх – под облака –
Серпантин дороги.
Я одна на нём пока,
Выше – только Боги.

Нет здесь ханжества и зла, -
Только ветра вздохи,
Да у горного орла
Мой фамильный профиль.

Чистота, простор, полёт!
Не видать народа.
Умный в гору не попрёт?
Вот она – свобода!!!

С флангов умники – рекой,
Скалятся – культура!
В их ряды-то мне – на кой?!
Ладно, буду «дурой»...

* * *

Говорить о любви не спешите со мной, -
Не поверю признаниям вашим весной!
Так бывало не раз. Всё пройдёт без следа!..
Вот сады отцветут, - потолкуем тогда...

Будоражит капель, и тревожат грачи;
Дарят сердцу истому сквозные лучи;
И дурманит подснежник, маня синевой...
Это только весна, а совсем не любовь!..

* * *

Опять в голодную толпу
Бросаю строчки, как монеты.
Но для того я и живу,
Как, в общем-то, и все поэты.

Стихи – не деньги. Что копить?!
Мы их как душу отдавали.
А наши души – не купить!
Но сытые поймут едва ли!..

* * *

Работаю, как на износ,
Ничьих не слушая советов.
Торгую рифмами вразнос
На пёстрой ярмарке поэтов.

Но спрос не шибкий на товар:
Кто купит стих, коль нет краюхи?!
И потому мой гонорар
Поделят нищие старухи.

Январский дождь

Из-за чего переполох
И настроение плохое?
Январский дождь не так уж плох,
Когда под ним гуляют двое.

Пусть неожиданно весной
Запахло в городе на Святки
И дождь идёт, но ты – со мной,
И значит в мире – всё в порядке!..

* * *

В двух стаканах солнечного света
Облаков щепотку распушу, -
Заварю сейчас кусочек лета,
По теплу которого грущу.
О лугах некошенных скучая,
Стану ждать шагов в ночной тиши...

.....

Для друзей ВСЕГДА есть чашка чая
И тепло распахнутой души!

* * *

Как шутит надо мной насмешник-май:
Опять влюбилось сердце по секрету!
А разум шепчет: - Ты не принимай
Слова любви за чистую монету!

И опыт вторит: - Что, прощай, уют?
Вновь будет жизнь издёрганной и сложной?
Но по ночам ТАК соловьи поют,
Что НЕ влюбиться – просто невозможно!

Людмила Мысова

На заре

Скоро солнце взойдёт над планетой.
А пока розовеет заря,
А пока – только холод да ветер,
И весна надрывается зря.
Только месяц остался суровый,
А потом посереют снега,
И меня будет греть наше слово.
Мне поэзия так дорога!
Только ею живу в мире этом.
Только ею жива до сих пор.
Доползти бы до тёплого лета,
Засадить бы цветами весь двор.

1.02.2012

* * *

Осень – странная персона.
Красит золотом леса.
Я взираю удивлённо:
Для чего летит краса?
Опадают в грязь листочки,
Их уже не соберёшь.
У меня родятся строчки –
Как из неба сеет дождь.

Осень листьев запоздалых,
Пожелтевшего тепла.
Мне, наверно, счастья мало,
Зря душа его ждала.
2.10.2008 г.

* * *

Мне в осенних днях явилось лето,
Где большого неба синева,
Где летят сиреневые ветры,
И трепещет юная листва.
За окном пейзаж совсем осенний:
Жёлтый клён, рябина как огонь.
За окном сереет воскресенье,
Стаи листьев стынут под ногой.
Стынет небо в лужах на асфальте.
Не пойду на улицу пока.
Бродит осень в жёлто-алом платье,
Набухают влагой облака.
24.10.2008

СТИХАМ

Откуда вы ко мне явились?
Наверно, космос – ваш приют.
Опять сгустило небо милость.
Я вас узнала. Вот вы тут!
В каких глубинах вы витали?
Кто создал вас на радость нам?
Хранили вас какие дали?
Чего Вселенная полна?

16.08.2008

СТРУНА ОСЕНИ

Осени молчанье,
Хмурый свет небес.
Огненной вуалью
Засветило лес.
Жёлтые берёзы,
Алый цвет осин.
Рыжей белкой осень
Скачет по Руси.
На рябинах красных
Галки гомонят.
Многоцветье красок –
Злата да огня.

Тут зелёным всплеском
Ели да сосна,
Но звучит над лесом
Осени струна.
2.10.1995

Одна страна

Мы с вами навсегда в истории своей,
Казах, киргиз, узбек, литовец и еврей.
Нам нечего делить, мы – братья по стране,
Украинец, латыш, грузин мне брат вдвойне.
И каждый армянин, и каждый из туркмен
Свободу получил. А что отдал взамен?
Нужна ли нам с тобой свобода эта, брат?
Любой из молдаван вернулся бы назад
Под сень страны одной, где братство – не порок.
Зачем мы разошлись по каждой из дорог?
Зачем, поверив злу, нас предали вожди?
Как будем дальше жить? Что ждёт нас впереди?
Наверное, скорей сливаться надо нам
И гнать плохих вождей, ведь мы – одна страна.
10.02.2012

* * *

Лишь туман над перелеском.
Бродит осень не спеша.
Может, здесь с прошедшим детством
Повстречается душа?
За широким косогором
Виден речки пережат.
Может, встретимся мы скоро,
Мой любимый с детства сад.
Угадаю ли я это
Средь сиреневых дымов?
Где-то детство, где-то лето,
Где-то прошлая любовь.

17.11.2011

В снегопад

Зимний вечер. Как-то серо
На душе и за окном.
Что-то действует на нервы,
Овевая серым сном.
Мокрый снег висит на ветках,
На домах и проводах.
Оттого и нету света –
Вновь обрывы, вот беда.

Не горят огни в окошках,
И не светят фонари.
Позабавимся немножко.
Без огня темно внутри,
А на улице от снега
Посветлее, чем в домах.
Упаду в сугроб с разбега.
Здравствуй, зимушка-зима!
2.12.2011

Наедине с книгами

Вчера ещё была в толпе,
Ещё сегодня – шум с друзьями.
Но в данный миг сама в себе.
Один лишь сумрак между нами.
Одна ли я? Пожалуй, нет.
Вон сколько книг, газет, журналов.
И письма. Каждое – привет
Моих друзей, а их – немало.
Вот книга Лены. Вязь стихов
Таких родных по чувству, строю.
А книгу Сашину открою –
К России чувствую любовь.
А может, Гоголевский слог
Меня вернёт на Украину?

Взлечу душой от тёплых строк.
Я в декабре тут не застыну.
А рядом – Чехова тома,
Жюль Верн, Стругацкие, Есенин.
Они всегда – моё спасенье.
Для чтения выгодна зима.
Когда так долги вечера,
Пусть даже вредно чтение лёжа,
Скрипит диван потёртой кожей.
Читаю. Ночь – моя пора.
29.12.2011

* * *

Линии дорог, рассветы,
Цвет ромашковый в лугах.
Пусть малиновое лето
Грянет вишнями в руках.
Или яблоками, сеном,
Розой, утренней росой.
Пряным запахом Вселенной
И ногой моей босой.
Мне б уехать к морю, к югу
Или в горы на восток.
Повидать подругу, друга,
Отыскать реки исток.

Отдохнуть от стужи зимней,
Непогоды и тоски.
Ощутить любовь взаимной,
Написать о ней стихи.

16.05.2009

* * *

Вокруг – весеннее цветенье.
Сады все в белом. Аромат.
Кружатся блики, искры, тени,
И полон тайн мой старый сад.
И белоснежных хлопьев горсти
Летят под ветром на траву.
Сюда хожу не просто в гости,
Я этим садиком живу.
Полю, рыхлю и поливаю,
Пилю, копаю каждый день.
И дарит садик радость в мае,
А по июлю манит в тень.
И награждает урожаем,
Венцом мозолей и трудов.
А в целом – наша Русь большая
Полна цветущих в ней садов.

6.05.2009

Бабушка Акулина

Снова холодно. Ну, наконец-то
Хоть немного помёрзнем зимой.
Мне сейчас снова вспомнилось детство.
Наша бабушка вместе со мной.
И ещё бесконечные сказки
Не из книг, а из жизни её.
Ничего я не знаю прекрасней,
Чем сидеть с ней ночами вдвоём.
Печки треск и чаёк самоварный
Да настольная лампа в углу.
Для меня не прошло это даром,
Я от этого тайны люблю.
То летучие змеи, то бесы,
То там лешие, то колдуны,
То русалки. Мне всё интересно.
Всё пришло из седой старины.
То соседка её была ведьмой,
То был оборотнем их сосед.
То над лесом кружился намедни
Сам Горыныч, на небе был след.
Или, может, тогда издалёка
Из космических дальних глубин
Корабли прилетали до срока.
Слишком мало мы в небо глядим.

Ну а бабушка знала тропинки
И в лесах все грибные места.
Да жила вместе с быльё в обнимку,
И хранила её красота
Наших Муромских вольных просторов
Да зелёных бескрайних лесов.
Понимала она разговоры
Трав и листьев, их шёпот без слов.
Приносила из леса то ягод,
То грибов, то орехов, то трав.
Все окрестности мерила шагом.
Я – в неё. В лес срываюсь с утра.

5.01.2012

Павел Слатвинский

Мажором по минору

М.З.

Над рекою ветер тучи гонит.
За рекою май сидит в миноре,
На пустынном чёрном косогоре,
Подбородком упирается в ладони.

Тучи, тучи, тучи небо съели,
Ни просвета нет, ни лучика, ни зги...
Зажимает май ладонями виски –
Неужели, боль, ты вечна, неужели?..

И галопом мчится сердце-красный конь,
Сорвало его, погнало, понесло.
Покрывается испариной чело
Майское, дрожит его ладонь...

Тучи низкие вздохнуть не позволяют,
Сердце-красный конь вот-вот споткнётся...
"Май! – вдруг из-за речки раздаётся, -
Май, смотри, как тучи разгоняют!"

Смотрит май солёными глазами –
За рекой на рыжем скакуне,
С бородою и смешной вполне
Кто-то машет в небеса руками.

Трудно маю голову поднять.
Да и верить хоть кому-то – трудно.
Уж не грусть его снедает, а подспудно
Вызревшая безнадега-блядь.

"Май! – опять несётся над рекою, -
Май! Заречная душа твоя!
Посмотри! А то обижусь я
И заплачу следом за тобою!"

Убирает май с лица ладони
И глазам своим не хочет верить:
В небесах распахнутые двери
И на туче солнце, как на троне!

А над речкой мостиком крутым
Изогнулась радуга дугою,
Май попробовал её ногою
И над речкой зашагал мостом цветным.

И ступни босые ощущали
Семицветие, тепло и благодать,
Полосатая под маем стлалась гать,
А за речкою его с улыбкой ждали.

ИЗДЕВАТЕЛЬСКИ, НО С ЛЮБОВЬЮ!

В.К.

Она поселилась на северном полюсе в ледовой,
но тёплой халупке,
плавала в полынье, ваяла мифические фигуры из
льда и жила с натуралом тюленем,
писала длинные тексты на снегу и была по
меньшей мере Бродским в юбке,
дань отдавая в своих сочинениях красивой и
громкой тюленьей фене.

Долгой-предолгой-предолгой трескучею ночью
почти с ноября и почти по март,
когда тюлень экономит жир, а из развлечений
только сияние в небе,
она томилась в халупке, беременная
диссертацией по теме "Полярный арт",
мысли завязывая узелками на собственных
волосах и совершенно забыв о насущной рыбе.

И когда первый луч пробивался сквозь
нагроможденья торосов,
и тюлень веселел, фестивалил и карнавалил,
брызгал слюною и семенем,
она дико желала ближневосточного загара, глядя
на своё тело, лиловое от тюленьих засосов,
но девственные неисписанные снега и юбка
Бродского давили на неё миссионерским
бременем...

ВСЕ МЫ ТУТ!

Все мы тут немножечко играем
В анекдот с огромной бородой,
Белый лист душой своей мараем
И в тираж выходим чередой.
Все мы тут хронически – поэты,
Всем нам тут не очень уж секрет,
Что когда по зябким водам Леты
"Поплывут нас", отобрав иммунитет,
Будет нам кубически квадратно –
Мы владели словом или нас
Слово заложило троекратно
В корм коню по имени Пегас.

Вот и мне клинически приятно
В одну лужу писать вместе с вами,
Чтобы лужа стала необъятной,
Чтобы мы могли поднять цунами.
Все мы в нашей луже корабелы
От Иакова. И даже от Матфея.
Любим, ненавидим то и дело –
Это, в общем, Главная затея.

Гадание на бараньей лопатке

Зелёная религия.
Эрзац на гончарном круге Мохаммеда.
И вышла чаша – глубока, не наполнить –
Трещины ловко вплелись в текстуру орнамента.
Я припадал к сочным прорехам губами,
Я чуть было не обрезался, -
Исторг жирную отрыжку, понял как тонок
Восток,
И понял, что... это всё. Меня пронесло.
Незрелая зелень. Всем назло!

Эрзац – вторая натура,
Она побеждает первую –
Медленно, но верно,
Вызывая слюноотделение, как чуингам,

Вымывая отовсюду неверных липкому слову
"Ислам".

Это не кран стружкой сочится,
Это трещит по швам черепками Коран –
Брызнет орнамент шрапнелью и
Каждый – священный баран...

Ластик времени

Гребешок вычёсывает дни...
Где моя бывшая шевелюра...
Скрылись за кормою все огни...
Где ты, моя пуля, пуля-дура...
Ночью кукиш, утром – сразу два...
Что ли бизнес завертеть на этом...
Жизнь – та же самая халва...
Жизнь у всех на языке, но – где-то...

Дамы собирали с плеч духи...
Пятился к пекарням запах хлеба...
Рты ловили россыпь шелухи...
Лужи каплями взлетали в небо...
Я с листа в ладонь стирал стихи,
Быта гребешковую потребу...

Звёзды на яблоне

Т.

дрошь души
ностальгический всхлип
письма древние
чувства в стихах
вспоминаю
и вижу как клип
чертежи на ладонях
губах

и запястий
страшащая ломкость
на упрятом в клетку
листе

ризы рыжие
если бы скомкать
не держать себя
в этой узде
не бросать
на весы умозренья
взмах ресниц
и трёхглавость Господню

дни рожденья
как столботворенья

платим

почта –
циничная сводня

как тогда прикасаюсь к бумаге
для которой столетья
не время
ну а наши года
чёрной раме
отдадут
не оставят на племя

помнишь звёзды
на яблоне дикой
в август настезь раскрытом
окне
чтоб душа не
КАЗАЛАСЬ
великой
а БЫЛА
не топи её в сне

* * *

Я мог бы быть Яхве, но не захотел.
Могла и ты, но тоже отказалась.
Мы предпочли с тобой такую малость,
Как близость наших грешных душ и тел.

Пургою будней заметая смыслы,
Мы шли по жизни об руку рука.
Нам было хорошо. И лишь слегка
Цепная совесть что-то грызла, грызла...

И я мог быть, и ты могла, а вот...
Всё хорошо, но что-то не на месте.
И нашей жизни всей благие вести
Ненужной стопкой сложены в комод.

12.01.00

Лариса Климова

В память другу

Того, кто верен сердцем был –
Господь навеки возлюбил.
Любовь даётся только раз,
Она нисходит к нам с небес.
А жить с любовью или без?
Не заплутать, попавши в лес?..
И как её нам разузнать,
Не ошибиться, не проспять?
Из многих звёзд одну узнать,
Её, единую, воспеть?!

Воскресный жаркий день,
В зените Солнце стало.
И шевельнутся лень.
Жара людей "достала"!

Звон телефона вдруг
Разбил жизнь "до" и "после", -
Ушёл любимый друг,
Не будет его возле...
Мы временем с тобой
Совсем не дорожили,
Оно же стороной

Промчалось – как не жили.
Скатилось между гор,
Что Солнце золотое,
А я же до сих пор
Не нахожу покоя.
Да, быстро пронеслись
Дни розового счастья.
Не все мечты сбылись,
Настал и час ненастья...
Всё можно пережить:
Разлады, ссоры, склоки.
Когда любимый жив,
Разлук не страшны сроки.
Вернуть бы время вспять,
Начать бы всё с начала...
Но нет, нам не поднять,
Что с воза вдруг упало.
Упало и ушло,
Оттуда нет возврата.
Как много лет прошло,
Но всё жива утрата.

24.08.1983

Россия на острие веков

На переходе виражи
На двадцать первый век.
На пульсе руку ты держи,
Российский человек!

ГэКаЧеПисты, баррикады,
Алеет площадь от крови.
Погрому, смуте нет преграды,
А люди – словно муравьи...

Держава русская, Россия,
Что случилось, милая, с тобой?
Озёра, реки, горы сини, -
Тебя я вижу лишь такой.

Ты в Космос первая взлетела,
Ты покорила полюса,
А меж собой – раздор. Не дело –
Ножом по сердцу полоса!

Моя страна, воспрянь от мрака,
Сама себя не загуби,
Ведь Мир любой милей, чем драка, -
Народ российский не губи!

Как домик карточный, распался
Союз республиканский наш,
А кто под этим расписался, -
Ведь явно, это саботаж?!

Настанет время, что расставит
Заслуженно всех по местам,
И отвечать оно заставит
За те решенья по делам...

Наш век двадцатый в Лету канул:
Чечня, перестройка, дефолт...
Двадцать первый настал, воспрянул,
И народ ощутил комфорт.

Но не долго... Нагрязнул кризис,
Россиян во тьму погрузил.
А пророческий Нострадамус
Апокалипсисом грозил.

Россияне, живите дружно,
Не воюйте себе во зло!
И тогда перестанет быть нужным
Вам военное ремесло.

Не тревожьтесь, друзья-миряне,
Апокалипсис не грозит...
Мы – живучие россияне,
Над Россией звезда горит!

Сонет о любви

(романс без нот)

Где ты, любовь моя безмерная,
Где те прошедшие года?
Где моя резвость безмятежная?
Куда ушли, ушли куда?!

Куда ушли те ночи тёмные,
Когда с тобою мы вдвоём,
Одной мечтою одержимые,
Тропинкой парковой идём?!

О, это было в том столетии
Далёкой юности моей!
Сейчас уж третье тысячелетье
И нет со мной любви твоей...

Остались лишь воспоминания
Прошедших лет, ушедших дней!
26.06. 01

* * *

О, внемли, Бог, моим слезам,
Сверши Ты милость надо мной:
Разлей любовный свой Бальзам
На грешный жребий наш земной!
Мы все грешны перед Тобой,
Ты нас прости и успокой!
28 декабря 2000г.

СОНЕТ БОГУ

В Божьем Храме песнопенье –
Обряд с древности простой.
Три часа богослуженье:
Хочешь – сядь, а хочешь – стой.

За здоровье ставят свечи,
Умершим – за упокой.
Распевают Божьи речи.
Благодать в душе, покой.

Поклонись ты низко Богу,
Честному Кресту пропой –
И получишь ты подмогу,
Божией пойдёшь тропой.

В Рай широкой нет дороги,
Всюду ямы и пороги.

12 февраля 2001г.

* * *

Зажигает ночь на небе звёзды,
В белый полушубок дом одет,
Пахнет ёлкой в воздухе морозном,
Из окна струится яркий свет...

Новый год шагает по планете,
Неприменно к нам заглянет он...
Красочнее нет на целом свете
Празднично украшенных окон!

Самых дорогих и сердцу милых
Этот вечер вместе соберёт.
Пусть уютен будет дом любимых
И счастливым станет Новый год!

27.12.08 г.

ЖИВАЯ ПРИРОДА

Река среди леса проходит,
А лес, отражаясь в воде,
К ней ближе и ближе подходит,
Нет места пустого нигде.
Деревья в воде искупались
И вышли на том берегу...
Тропинками лоси спускались
Напиться воды на бегу.

19 мая 2002 г.

ТОСКА

(Потоскуха)

Плывут по небу облака,
Звезда мерцает.
Играют тени камелька,
Душа страдает.
Дорожка лунная видна
В заливе хладном...
Сижу, тоскуя у окна
Я в платье ладном.
А во дворе уже весна
Стучится в двери.
Котам и кошкам не до сна:
Бушуют звери.

Тоска зелёная грызёт,
Как мышь орешки...
Я жду, когда же повезёт
Мне, Бабке Ёжке...

МЫ ПОМНИМ

*(памяти отца, Лукьянова
Ивана Михайловича (1904-1944 гг.))*

Мы помним грозные метели
Суровых лет сороковых,
Как в одночасие седели
Бойцы в атаках роковых.

Гремели взрывы, всё горело,
Земля стонала, но – жила.
Шагали наши парни смело
В огонь – и гасло пламя Зла.

Мы помним ад под Сталинградом,
Как выгоняли фрицев вон,
И как «Катюши» канонада
Гнала противника в полон.

Мы помним, помним – не забыли
Солдат, погибших в ту войну.
Они так Родину любили,
Но пали в вечность, в тишину...

Как похоронки приходили
Почти что в каждый божий дом...
Как с «топора» кулеш варили
И как мы выжили потом...

Сейчас цветы у обелисков
Горят священным кумачом,
А слёзы родственников-близких
Блестят под солнечным лучом.

5.04.2010

Виталий Ключанский

Колыбельная

В роще холодно и тихо.
Только воет ветер тонко.
Этой ночью олениха
Потеряла оленёнка.
Ходит-бродит по оврагу
Несмышлёныш-сын во мраке,
Поутру сожрут беднягу
Саблезубые собаки.
И завоет громко ветер
Песню, ясную лишь зверю...
Как печально жить на свете!
И не спорьте, не поверю.
Ветер будет петь и плакать,
Петь и плакать о пустыне,
Чтоб терзали сердца мякоть
Строчки колкие простые...
Спи, мой ангел, спи, мой бэби,
Дети сладко спят ночами.
Пусть тебе приснится бэмби
С распрекарими очами.

Песня Рики

Отче, Отче, не напрасны ль
эти танцы под луной?
Сколько есть миров прекрасных,
что нам скорбный путь земной...
Наг застыл, слюнявя ядом
перепаханный песок,
Наг застыл тяжёлым взглядом,
скоро сделает бросок.
Вот бросок – сомкнулись зубы
в полудюйме от лица!
Отче, Отче, разве любы
вам потуги подлеца?
Он повторит, он охочий,
он пытался тыщи лет.
Отче, Отче, где вы, Отче? –
лишь молчание в ответ.
Тишина. А время – дети,
хоровод спасённых душ.
На заплёванной планете,
среди полных яда луж,
танцы с коброй под луною,
иероглиф по песку.
Отче, Отче, вы со мною?
Змей готовится к броску.

ЯПОНСКАЯ СКАЗКА

- Мама, мама, смотри, какая красная луна!
Что это с ней?
- Это, Акиро-сан, приходит весна,
Весна стародавних дней.
Сядь на татами, ужин прожуй,
я о луне и весне расскажу...

Далеко, дальше, чем моря край –
Трудно представить эту длину –
Жил да был один самурай,
Любивший Большую Луну.
Вечер снимал все заботы с плеч,
Соседи садились играть в го,
А самурай вешал на гвоздик меч,
До утра прощая врагов,
И спешил к ручью в сад камней –
Небесную госпожу встречать.
Он стихи писал полной луне
И доверял их вручать
Змеям бумажным – летели они
За волнистые крыши и облака.
Так проходили ночи, дни,
Так проходили века...
Как-то монголы весной на Хонсю
Пришли, оскверняя храмы.

Мудрый сёгун призвал нацию всю
Молиться в сторону Фудзиямы.
На юг, на север и на восток
Молились все-все японцы,
Чтоб камикадзе-тайфун помог
Стране Восходящего Солнца.
И тайфун пришел, и любой самурай
Врага смог выбрать и поразить.
Только наш жил дальше, чем моря край,
Дальше, чем можно вообразить.
Он на битву спешил, загнал сотню рикш,
Но не успел – как печально, Акиро!
Ведь такой позор покрывает лишь
Ритуальное харакири.
Он сложил под сакурой хокку,
Он отдал свою душу Духу.
И той же ночью, поднявшись высоко,
Луна совершила сэппуку.
Видишь, там, меж горных вершин,
Кровь на её кимоно алеет...
Каждый должен, сынок, вершить
Карму, ни о чем не жалея.

Деревенский блюз

Стакан

самогона налей мне,
я сложу из бессвязных слов
тост, здравицу, знак...

Прощай,
незабудка-деревня,
в твоих избах еще тепло,
да что-то не так.

Прощай,
и текущая крыша,
ты порой не держала дождь,
да в том ли беда?

Твоих
жалоб я не услышу,
ты не сдвинешься, не уйдешь
к чужим городам.
Просто время настало
забывать эти окна,
забывать эти окна крест-накрест.
Век бетона, металла
и каких-то информполей
сантименты футболит все на хрен.

А там,
где корявые корни
вековых тополей сплелись,
спит память Земли.

Давно
отскакавшие кони
обретают какой-то смысл,
теряясь вдали.

Стакан
самогона налей мне,
я сложу из бессвязных слов
тост, здравицу, знак...
Прошло
безмятежное время,
журавлиный встал на крыло
голодный косяк.

Просто время настало
забывать эти окна...
крест-накрест.
Век бетона, металла
и каких-то там нано-схем
сантименты футболит все
на хрен.

Русская сказка

*Он часто спотыкался,
но никогда не скользил.*

(У.Сароян)

Я размешаю слово
в радуге и дожде,
выпью его – и снова
буду любить людей.
Я размотаю слово
в сладкую вату-нить,
съем это всё – и снова
буду себя любить.
Впрочем, напиток вылью,
выброшу сладкий яд,
с полки, покрытой пылью,
вытащу наугад
книгу о Светлой Деве,
звёздном веретене –
и на последней теме
угомонюсь вполне.

В мире средь зла и страха
чуть огонёк горит,
и молодая пряжа
с веретеном сидит;
и напевает старый,

вечный мотив земной...
Тише воды, с гитарой
сяду я за спиной.
Тренькнет аккорд послушный,
впишется в колею.
Песенку не нарушу,
только лишь подпою.
Светом свечи в светёлке
тихо струится Русь,
звёздочка льёт иголки,
месяц роняет грусть.

Вымытая, взликует
тихо моя душа,
тихо пылинки сдую
с книги, едва дыша,
и тишиной-дорогой
в светлую ночь по льду,
чуть спотыкаясь, к Богу
медленно побреду.

Уезжаю

Облетает яблоневый цвет.
Ах, какие будут урожаи!
Я б хотел покинуть этот свет,
но пока что просто уезжаю.
В этот год суровая зима
засушила дерева верхушку.
Я б и сам хотел сойти с ума,
но боюсь, повяжут и – в психушку.
Яблони засушенную ветвь
отрублю, что голову Горгоне.
Я бы мог от счастья зареветь,
только горе прочь бесслѣзно гонит
от домашних, от иных тревог
и от слова глупого тревога...
Я не Пушкин и, увы, не Блок,
мне осталось жить еще так много.

Последнее

Как долго тянет ветер ноту.
Как листья ветру вторят шумом.
Казалось – вот мотивчик, вот он!
Но новой песни не пишу я.
А потому что не у ветра
привык искать свои мотивы,
а у загадочного Некто,
что не вмещается в картины.
Он где-то там стоит, за дверью
подъезда, пахнущего вечным,
и я, на грош себе не веря,
ему-то верю бесконечно.
Он ходит исстари доньше,
свидетель ада и нирваны,
а я – всего лишь глас в пустыне,
я – след вчерашний каравана.
Тяни по следу ноту, ветер.
Послушно, листья, трепещите.
Я спел – и нет меня на свете.
Следа напрасно не ищите.

Дмитрий Галь

* * *

Ах, опавший ясень,
ты стоял убого
За желтевшим садом
у её порога...

Что ж клонился к круче,
взя боль-тоскою?
Ясень, слышишь, ясень,
сердце я открою:

Я ведь одиноко
отгорю, как древо, -
Ты стоишь направо,
я иду налево...
24.03.95

* * *

Скажи, ты ждёшь её наград,
Когда к тебе приходит Муза?..
Слетают звёзды наугад,
Кому-то и они обуза...

И пять мелодий без названья
Щебечут ангелы с небес,
И оборвались струны рано
С душой Поэзии и без...

Там Бога пробуют искать,
И не вела во храм дорога, -
Сонеты вянут у листка
От бесчернилия такого...

13.12.02

* * *

И отмель в поворотах плёса
Навек задумчивой реки,
И осень в полноте покосов,
Чей лист крадут истопники –
И без того уже багряный
И с желтизной в серёдках сот, -
Собрался жить осинник пьяный
Взахлёб, лет эдак до трёхсот;
Ну, а пока под плач и всхлипы
Лишь сетует, что ветер груб,
И скромно оправляют липы
Для поцелуя складки губ...

1992 г.

* * *

На всё имеющий сужденье,
Январь разлётся на перроне, -
В одежды белые оденет,
И седина виски не тронет...

Не закричит надрывно кочет,
Часы протикают без боя, -
И век в друзья ко мне захочет,
Поняв, что нас у Леты двое,

Что наши силы на исходе,
И кровь не толчется по жилам, -
Ощерясь, тварь рябая входит
В альковы за твоею милой...

28.03.11

* * *

Когда-то плыли облака
На зов берёзового тына, -
И льётся мягкая строка,
И губы на морозе стынут...

Что сказано на повороте
Давно изломанной судьбы,
Векам не обернулось против
И, значит, так тому и быть...

Захлёбываясь от восторга,
Декабрь вступал в свои права:
Какая муть её исторгла, -
Эпоху, где я виноват?..

28.03.11

* * *

Что нам цепляться к пустякам
И к суете газет?
В пожарах август там и сям
И в золото одет...

Так часто спорит с кем-то грач
Про жар и маету,
И солнце с лужей вскок и вскачь
В ту сторону и в ту...

За пылью гонит ветер сор –
Для дворников беда,
И нитью тянутся до гор
Столбы и провода.

И мухи роем рвут и рвут
Творенье паука,
И строчки, лишь родившись, лгут,
И ленится рука...

07.08.90

* * *

Как много нам сказать хотела
С рожденья ветренная Осень,
Но с пёстрым опереньем стрелы
Вонзались в непокорность сосен, -
И Осень сразу загрузила,
Ушла, теперь уж не воротишь,
И хочется, чтобы простила,
Но как её об этом спросишь?
Как скажешь ей теперь, что с нами
Кружиться будет в хороводах?..
В узорах с позолотой сани
Уступит нам на то природа...

1992 г.

* * *

Что ж нам делать с этим летом?
Даже осень растерялась.
По обхоженным приметам
Сколько дней ещё осталось?

Этой осенью печальной
Бабье лето запоздало,
Кликам журавлей прощальным
Тёплых дней последних мало,

И холодная водица.
Август, что ж так долго плачешь?
На кого-то рассердился
И унылой пылью платишь?

Я б рубахою укутал,
С молодого снял бы тела,
Но в ответ по закоулкам
Август плакал неумело...

25.12.92

* * *

Я возвратился в отчий дом,
Где всякий камешек знаком,
Где проклинают образа,
Едва оглянешься назад
И не признаешься, что твой
Лежит за щелкой золотой...

...И ощущаем в душах свет,
Которому названья нет,
Где ссоры провожались вон,
И тень скользила в унисон
По штукатурке дряхлых стен,
Лишь сказок требуя взамен;

На благодатный край окрест
Я оглашаю своё "best".
Чтоб открывались сто дверей,
Чтоб рос и мучился скорей
И тайны в гроб не загонял, -
Чарующий зовёт хорал!..

14.12.92

* * *

*Но молчи: несравненное право –
Самому выбирать свою смерть.*

Н.Гумилёв

Шёлк и парча,
запотевшие окна,
Тенью скользят
по углам... Не кричи!..
"Я – Люцифер", -
и рубашка-то взмокла,
Цепью на шее
болтались ключи.

Голос был гневен,
хрипло и страшно
Рявкнул хозяин
у Божеских Врат, -
Алые флаги,
что реют на башнях,
Вряд ли о многом
Ему говорят...
09.01.2000

* * *

Я ветром иду по горячей золе...

Арс.Тарковский

Перебродить из браги в суть
И кровью набухать по венам,
Иль горького вина хлебнуть
И с результатом неизменным

Принять и вызов, и шумиху,
Когда заплачено за всё,
Когда торжественно и тихо
Ведут на плаху и костёр!..

Мой рок смеётся, злится, вертит –
Что флюгер жестяной в тиши.
Ставь буквы на моём конверте
И, сердце оголив, пиши...

16.11.92

* * *

*Сызнова всё, сначала –
Я не смогу начать...*

Т. Ильина

Подрастала дочка,
лешему не веря,
Ей уже до фени
Сольвейг и Мальвина, -
Там, за огородом,
открывались двери –
Лютики-цветочки,
ягода малина...

Что ей Толкин с Фетом,
Пастернак и Волков,
Если у рябины
алая обёртка?..
Я же, беспокойно
вытирая полки,
Оглянусь на Время
суетно и зорко...
12.05.99

Светлана Сарычева

ФРУКТОВЫЕ ЗАКАТЫ

Фруктовые закаты
Над бледными домами,
Над строем крыш покатых
Вседарственно взмывают.

Фруктовые закаты –
Таинственная жалость:
Беспечная растрата
Того, что оставалось.

Фруктовые закаты,
Цветочные рассветы –
Кому-то и когда-то
Не-данные ответы,

Ненужные советы,
Не спетые приветы.

Современности супер-улыбка
Проползает по мне, как улитка.
Её матово-розовый след
Задевает весенний просвет –
В столучистости линий и лилий
Растворяется чьё-нибудь имя.

СНОВИДЕННОСТЬ

Я придумываю сны
Для себя и для других.
Изумрудисто-грустны
Взоры и созвездья в них.

И ничуть не веселей
Там прохладные уста
У Парисов и Елен...
Ночь пронзительно чиста.

НОЧЕПОКЛОННИЦА

Даже если будешь плакать,
Всё равно наступит полдень;
Солнца яблочная мякоть
Дыры мира переполнит.

Даже если будешь злиться
И грозить мечом и ядом,
День придёт и, как патриций
Нежно-важный, встанет рядом.

Даже если, посмеявшись,
Бросишь вызов гордо-смело,
Мир окажется раскрашен
Синим, белым, жёлтым мелом.

ФЕВРАЛЬСКИЙ СОН

Подушка холодна, как бриллиант,
Ночь тяжела, как древний фолиант,
А я – жива... Опять чего-то жду,
Смотрю в глаза подтаявшему льду,
Пытаюсь разглядеть забытый сон.
Лёд жмурится. Дождь брызжет, будто сок
Из виноградных туч, повисших там,
Где небо разломилось пополам!

ИГРА

Было что-то дикое и пряное,
Жаркое, душистое, упрямое;
Было что-то очень шоколадное.
Всё уже исчезло... Ну да ладно! Я
Попытаюсь это повторить
Увеличив раза в двадцать три
(Для начала)...

ОТПОВЕДЬ...

Или ты, или кто другой,
Старше... Впрочем, какая разница,
Кто пришёл развести огонь
Накануне большого праздника?!..

Я сама для костра несла
Листья яркие и блестящие;
В прошлом – золото их. Зола –
Вот настойчивость настоящего!

Душу я купала в огне
И она расцветала лилией.
Ты, грустя, подошёл ко мне:
«Я такой как есть. Полюби меня!

Я тебя полюбить готов...».
Милый мальчик, какой ты трепетный!
Но что делать мне с горсткой слов,
С твоей чувственной лептой лепета?

Кролик солнечный, робок бег
Твой в лесу моём легкомысленном;
Там не следует миг на век
Умножать, притворяясь искренним.

Дума дыма... Костёр погас.
Я смотрю в горизонт, не под ноги.
Ты – есть, я – есть, не будет – нас.
Я люблю тех, кто любит подвиги!

Мои неженские часы
Опять спешат на две недели...
Я заплетаю две косы
И пью молочные коктейли.

А в телефонной трубке – шум:
Приветствие подружки пресной.
- Что делаешь?
- Спешу. Пишу.

- Как жизнь?

- Всегда и всё – чудесно.

Словесный слишком сладок мёд;
При трубке я стою, как стоик.
Она, конечно, не поймёт!..
И даже объяснять не стоит.

Но, вновь лукавствуя, рука
Не хочет бросить трубку... К чёрту!
Я не произношу: «Пока»
И как-то говорю о чём-то.

СНОВА

Мне не больно, мне не страшно...
Одиночество свободы
Пахнет ветром. Летний ливень
Львиной лапой листья гладит.

Пью из золочёной чаши
Синь чужого небосвода,
Вспоминаю чьё-то имя –
Буйство боя в чьём-то взгляде.

Отстранённость или странность,
Звонкострунность, звучноструйность...
Я вернусь в луга сражений,
По-другому мне нельзя.

Я уже привыкла к ранам.
Шрамы, раны – это руны,
Знаки будущих движений,
Не угроза, но – гроза.

Откройте мне окно! Ведь я лишь птица,
Мы вряд ли сможем помешать друг другу.
Вы так устали после репетиций,
Вам хочется смотреть на город грубый
В сиропе светло-серого дождя,
Пить рыжий чай... Любить, мечтать и ждать...

Прошу Вас: не крошите мне печенье!
Я хищница (а разве не похожа?),
Искательница странных приключений.
А Вы... Ваш громкий взгляд слегка тревожен, -
Но, может быть, мне просто показалось.
Давайте позабудем слово «жалость»...

Кто этой ночью должен Вам присниться?
Она красива? Чувство будет сильным?
О, я забыла: я ведь только птица,
Сижу сушу сентябрьские крылья.
Я улечу в рассвет... Желаю счастья!
Я буду вспоминать Вас очень часто.

РАССВЕТ

Вы тепло, спокойно спите –
Я брожу; рассвет мой весел.
В бликах солнца виден Питер –
Город писем, пьес и песен

Ветра, город ласки всплесков,
Город чаек, чуткий город,
Чудный город принебесный,
Чуждый ваших мелких споров.

Он прохладен и задумчив,
Он с Невой играет в страсти
В час, когда глухие тучи
На хвостах несут ненастья.

Просыпайтесь, солнце встало!
Я вам покажу мой Питер:
Он в кольчуге из каналов,
Светлый город-победитель!

ВИНО

Я пью подземное вино,
Когда оглох усталый дом,
Когда внутри меня темно,
Когда продроглость за окном,

Когда измятое враньё
Ползёт в отчувствие моё.

Я пью подземное вино,
Ем пряники и шоколад,
Когда лучистое руно
Разбил бессменно-серый яд.

Я пью, когда родная мать
Не знает, что бы мне сказать.

Я пью подземное вино,
Что влито в меркнувший бокал,
Когда осталось лишь оно –
Громокипящее одно,
И пёстрый мир не доиграл –

Прилёт – накрылся тишиной.

Я пью вселенское вино...

Дождь не как из ведра – как из душа
Брызжет прямо в зелёную душу
Мне – уставшей от чар Царь-Девице.
Как ни странно, мне всё это снится
В ночь со вторника на воскресенье
Под луной сумасшедше-весенней.

Евгений Бригиневич

ВЕРУЮ!

Вновь слышу гор дыханье,
Их тишь и Благодать...
И хочется любить! И ЖИТЬ!
Весь Мир обнять!

Зачем за "просто так" страдать?
Вот вспомнились Отец и Мать...
Они учили: «Будь самим собою!..»
Жить тяжело – я не скрою...

Но вот иду – наперекор судьбе,
Пока что верен самому себе...
Пусть длится дольше сладкий Сон!
Кураж ловлю!
Я вновь влюблён!
Тобою – удивлён!

О ПОЭЗИИ

Запечатлеть мир слов звучащих,
Волнительных всех запахов и чувств!

Что может быть переживаний слаще?
Любовь! Вот пик свечения Искусств!

Предчувствую миг озарений, вдохновенья!
Сам создаю свой Мир стихов –
Святой Свободы миги... откровенье,
Когда нет шор и нет оков!

Вот чудо из чудес в Подлунном Мире!
Зовут на новые свершения Друзья...
Их понимание, поддержка не остынет,
Ничто не остановит и меня.

Тишь, гладь озёр, блеск звёзд закатных...
Ты, музыка Поэзии, звени, звучи!
Ложится вязь из строчек ладных –
Стихов, проколоколенных в ночи.

ГОРНАЯ МЫСЛЬ

В горах обманна тишина –
Гудит в ветрах сосновый бор...
В твоих глазах виден укор?
Что, я лишил покоя, сна?

Да, пусть любовь моя смешна.
Вам подавай лихой задор?
На мощь да силу делаешь упор?
Но... Жизнь *потерями* страшна!..

НАША ЯЛТА

Здравствуй, Море!.. Радуют так волны...
Столько месяцев не видел вас!
Бросил вещи и бегу. У мола
Маяка подмигивает глаз.

Тут любил я в юности когда-то,
Был друзей широк круг, интересен...
С ВУЗов разных все девчата и ребята.
Пели вместе мы немало песен!

Цвет граната, запахи цветов весенних.
Губы Милой!.. Ночи светотени!
...Не вернуть тех поцелуев сладость.
Память – вот единственная радость.

ТАЙНА ПОЛНОЛУНИЯ

Да, были в жизни каждого те редкие страницы...
Их память в тайниках души так глубоко хранит!
Ба! Вижу вновь я образы прошедших снов,
все лица...

Так чувства те странны...
Там песнь и речь друзей звучит!

Передо мной опять идут неясной вереницей
Обрывки смутных снов. Их смысл навек сокрыт?
Луч солнца высветит намёков утренних границы.
И тут же я проснусь.
А Тайна Ночи? Спит. Молчит.

Не видно больше звёзд великолепья.
От лунных снов одни отрепья...

У ГОРНОЙ РЕЧКИ

Люблю Ольховку на рассвете!
Вот, прислонюсь к красавицам березам...
И не страшны ни дождь, ни ветер!
Я верю собственной примете.
Душой так рад весне на свете!
Закружит ветер Жизни хоровод...

Глянь, тронулся на речке лёд,
Разбив оковы зимней клетки.
Над речкой веет свежестью, прохладой;
На сердце – редкость: Мир, отрада.
Ты унеси печали, горная вода!
Подальше от серых, голых скал...
А принеси мне, речка, счастье на года!
Я радость на Земле давно искал...

ДИВО ГОР

Мой край туманных склонов, гор,
Провалов гулких, звериных троп,
Густых лесов, полян альпийских...
Вершины – острые кинжалы –
Вонзились в тело облаков и туч.
Тут камнепады не в новинку,
Зимой лавины закрывают перевалы,
Орлов крикливых много...
Таких мест на Земле немало: Шотландия,
Балканы, Альпы, Гималаи и... КАВКАЗ!!!
Тут чувствуешь себя *свободно*,
Дышится вольготней!..
Наедине с природой дикой,
С одинокою звездой

Веду неспешно разговор,
Надеюсь только на себя...
Здесь горы смелых, стойких уважают.
И мы приближены к далёким звёздам!..

**МАТУШКЕ,
АННЕ ИВАНОВНЕ КАМАЕВОЙ**

Ты песни пела нам у колыбели,
Читать учила книги, рисовать.
Потом мы сами их пропели.
Всё лучшее дала нам – МАТЬ!

Любить – какое это счастье!
Побольше нежности в словах.
Пусть время разрывает нас на части,
Пускай гудит о нас молва!..

В душе – там, где-то в глубине,
Пусть небо слышит звук молитв.
Добру судьба благоволит.
- Спасибо, матушка, Тебе!

ПРИЭЛЬБРУСЬЕ

Константину Флегонтову

Ледники, скалы, горы – мир дивных вершин.
Наш Эльбрус Величавый чуть виден вдали.
Мы замерли молча, куда нам спешить?
Чувство радости зреет. Душа не болит...

Песню спой, друг, сыграй на гитаре скорей!
Танец Солнца так дивен, так ЖИВ!
Горы, здравствуйте! С вами – душевней, милей.
Струн звук зычен!.. Вибрирует гриф...

Боргустана хребет весь туманом окутан.
Пережить это как? Описать всё стихами...
Насладится бы снова тем призрачным утром,
Повинится, покаяться...
Грешны мы с вами!..

АККОРД ПЕЧАЛИ

Нет, я себя не в силах примирить
С той странной и нелепой мыслью,
Что жизнь хрупка и жалки наши дни,
Что иногда не всё от нас зависит!

Когда атлас заката вдруг погас –
Мне сцена тёмная открылась невзначай!
Настал прозрения печальный час...
- Прощай, родная и любимая! Прощай!

Лишь музыка утрат звучит в душе
Истошным криком – в ночь
распахнутой двери!
Мелодии тоски звучат во тьме,
Не хочется мне спать от ночи до зари.

И долгой ночью непогожей
Я будущее ощущаю горлом, кожей...

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Лунный свет. Туман да паутина.
А вечерок на редкость так хорош!
Я греюсь у костра – знакомая картина.
Прошу звезду: «Сегодня ты споёшь?»

Да, в жизни часто всё зависит
От высшей Воли и желанья.
А цель? Как звёзд холодный бисер.
Важней порою – пониманье!

Всё неизвестное – в кристалле?
Уходят прочь сомненье, страх...
Я вижу многое в серебряном бокале –
Всё, что живет в одних словах.

КОСТРЫ ОКТЯБРЯ

Воздух дымом пахнет,
Дымом сожженных листьев:
Березовых и кленовых –
Грядущей зимы листовок, -
Что дворники намели...

А сердце моё как пашня,
Ему бы покоя в мыслях.
Дым душил его истомой
Обид и печалей стольких,
Которым гореть до весны...

1987

* * *

Луч первый лазером прочертит небо!
Бездонность ночи рушится...
Луна бледнеет перед солнцем.
А губы утром вновь ласкает ветер.
Холст облаков вдруг просветлеет!
Заря-художник резво давит краски...

Сижу, люблюсь.

Дух перехватило...

«Вот красотища где!» -

скажу вам по секрету.

Под вечер снова розовеют щёки неба.

Исчезнет солнце в пасти горизонта.

Ночь опускает занавес...

Спектакль окончен?

Еще один день съеден жизнью!

Фрези Грант

* * *

Непосыгаемо смотрю,
Любуясь и запоминая.
Ты – пропасть, где не вижу дна я,
Огонь, которым я горю.
Ты – рифм диковинных созвучья
И снов тревожных забытьё.
Ты – вдохновение моё,
Дарованное волей случая.

Нет, мы совсем не далеки.
Там, за прозрачной, тонкой гранью
Вся бесконечность мирозданья
На расстоянии руки.
А здесь я – грешница земная,
Хочу добра, но зло творю.
Непосыгаемо смотрю,
Любуясь и запоминая...

02.2000

ЖДУ ЗВОНКА

Смотрю в окно, где серость безнадёжна,
И жду звонка.
Молчишь давно... Узнать причину сложно
Издалека.
В единый миг я будто стала бомжем,
Больна, бедна...
Из слов твоих понять пытаюсь, в чём же
Моя вина?

И где искать внезапную потерю,
Как обрести?
Стучит в висках... Того ли мы хотели?
Твержу: «Прости!»
Связать бы мне обрывки разговора,
Да нить тонка.
И тает снег, и выпадет не скоро.
И нет звонка...

20.11.10

* * *

Весна пустозвоном капели вливается в окна,
Весна отнимает покой, раздаёт обещанья.

Какая мука, благодать
Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.

Какая жизнь – сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье – ждать письма
По месяцам – и не дождаться.

Кто нам сказал, что мир у ног
Лежит в слезах, на всё согласен?
Он равнодушен и жесток.
Зато воистину прекрасен.

Что с горем делать мне моим?
Спи. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!

SEVEN DAYS

Мой понедельник похож на вторник.
Без дней метельных кайфует дворник.
В природе вовсе не то творится,
В Норильске восемь, у нас – под тридцать...

В окно седые глядятся вишни,
И жду среды я – храни, Всевышний!
Меняй погоду хоть в целом мире,
Оставь лишь воду с теплом в квартире.

В четверг – на почту. Теплеет слабо.
Отправить срочно письмо хотя бы...
А там и вечер, и чай с лимоном,
С подругой встреча по телефону.

Букет известий – всего с избытком.
Узор созвездий на небе выткан...
Семь пятниц? Нет уж! Одной хватает.
Лежу, как ветошь. Уже светает...

И вновь суббота и воскресенье.
Смысл жизни? Вот он: дождём весенним
Разбавит беды – зимы настойку,
И будет лето! Дождаться б только...

24.01.10

* * *

В шестнадцать строчек об одном
Ныряю с головой,
А грустный дождик за окном
Совсем похож на твой.
К нему прислушаюсь опять
И мимо чай налью...
Мне просто не с кем разделять
Бессонницу мою.

Слова рифмуются легко –
В них эта ночь и ты,
А я не так уж далеко
От финишной черты...
Земные суетны дела,
Закон небесный строг,
А мне бы капельку тепла
Вложить в шестнадцать строк...

2.10.11

* * *

Январь, души моей лекарство,
Ворвись в мой дом!
Бездонных омутов коварство
Укрыто льдом.

И отошёл ко сну устало
Дождей сезон,
Застыв магическим кристаллом,
Таящим звон.

У звёзд – рождественские лики,
А на окне –
Узором – стебель повилики,
Что как-то мне
Дарил ты, добрый покровитель
Шальных затей...
Волшебных снов моих обитель,
Не опустей!

5.12.95

* * *

Ни слова, ни взгляда, ни строчки в ответ.
Живу – не живу в суете бестолковой.
А с памятью слада по-прежнему нет.
Напиться б её, как воды родниковой!

Бессмысленно тянутся серые дни,
Где редкий мой стих – придорожная веха.
И ясно до боли: мир полон людьми,
Но пуст, когда нет одного человека.

* * *

А я преград не замечала,
Не видела помех,
И тихо музыка звучала,
И мягко падал снег...
Стиралась грань души и тела
И ускользал покой,
Я говорить с тобой хотела
Рифмованной строкой.

Рвалась в окно, минуя двери,
Твой повторяя слог,
И от находки до потери
Казался путь далёк.
Стихи рождались, будто дети –
Печален их удел.
Была зима на белом свете,
И снег летел, летел...

13.01.11

* * *

Чудес не жду и ничего не строю,
Для новых замков не нашла песка я.
В раздумьях над своей ничтожной ролью
Пишу слова и в небо отпускаю.

Живу – как будто сон нелепый вижу,
Где я среди толпы, для всех чужая...
Пишу слова – и прижимаюсь ближе,
Их, как детей, в дорогу провожая.

Летят они то смехом, то печалью,
Но лучше бы им вовсе не рождаться!
Пишу слова, дарю их, завещаю –
Быть может, хоть кому-то пригодятся...

9.07.11

* * *

*«Никто, никто не может мне ответить,
Разочарован я буквально всем.
Я вижу солнце – лучезарно светит.
Зачем?»*

Б.Поляков

Я не живу теперь – пытаюсь выжить.
О чём-то размышляю, что-то ем
И память, как лимон, стараюсь выжать...
Зачем?

Бинтую боль, завязываю туго –
Не дать ей для стихов достойных тем.

Писала, чтоб во мне ты видел друга...
Зачем?

Твой выбор неизбежен – сторониться
И там, где тонко, оборвать совсем.
Опять листаю прошлого страницы...
Зачем?

А новый день – всё та же безнадёга,
И не найти решения проблем.
Хотелось, чтобы помнили немного...
Зачем?

6.11.11

Иван Заровский

* * *

Творцу не избежать своих творений –
Они заключены в его душе;
Усилиями высших побуждений
Выходят в мир, готовые уже.

И Мастер обречён на созиданье
Того, что в душу вкладывал он сам.
...Но выйдет срок – и трещиной по зданию
Перечеркнёт былые чудеса.

Поблёкнут краски, искрошатся формы,
Смысл потеряют мудрые слова...
Но кто-то вновь, отбрасывая нормы,
Сплетёт узор из тени естества.

30.04.09

* * *

Из вен развёрстых вытекает кровь,
Питая влагой будущие всходы.
Остались боль и бред неясных снов,
Как отзвуки житейской непогоды.

Нить между «есть» и «было» оборвав,
Уходят в Вечность смертные создання,
При жизни нам о главном не сказав,
Нас обрекая на воспоминанья.

Закончен бой, и кружит вороньё
Над теми, кто когда-то жил страстями.
И неизбежно смерти остриё
Для тех, кто оплетён её сетями.

А нам осталось будни коротать
В глухой тоске, в объятиях печали,
Кресты Судьбы за умерших таскать,
В подушку слёзы лить о них ночами.

26.01.09

* * *

Хвалу ночному солнцу взвыть по-волчьи,
С тенями слиться в полночь при луне.
И, души раздирая, что есть мочи
Петь серенады боли в тишине.

Пусть эхо разнесёт напев звериный,
Замрут, проснувшись, зайцы, чуть дыша.
Пусть будет так! И в Путь непостижимый
Рождённым страхом просится душа.

28.03.09

* * *

Раскатает Рок нас по дороге,
И Судьба размажет по стене.
Вряд ли нам уже помогут боги –
Мы про них забыли в суете.

Пятимся вперёд и верим в Чудо,
Опасаясь боли и беды.
Коротаем дни свои, покуда
Правит нами Фатум на пути.

Но восстанем снова мы из пепла,
Фениксом взлетим под небеса
И услышим ночью в шуме ветра
Тех, чьи позабыли голоса.

16.10.06

* * *

Мой кораблик бумажный, куда мчишься ты?
В даль какую влечёт тебя Рок?
По приказу нелёгкой капризной Судьбы
В неизбежность ведёт тебя Бог.

Мой бумажный кораблик, не зная путей,
Ты стремишься в забвенья страну
И не видишь печальных сигнальных огней
Тех, кто раньше пошёл ко дну.

05.10.04 – 14.02.10

* * *

День крошится как мел и становится пылью,
Ночь чугунной плитой навалилась на мозг.
Те, кто дерзок и смел, не становятся былью,
Из мгновения в вечность перекинувши мост.

А я беден и слаб пред всеильной Судьбою,
Мне уютиться в коробках привычных квартир.
И всё чаще, увы, недоволен собою,
И слепит позолотой опрокинутый мир.

День крошится как мел и становится пылью.
Что написано мной, смоем дождь за окном.
Всё проходит и вмиг обращается былью
И неважно уже, что же будет потом.

01.05.10

* * *

Сквозит душа холодными ветрами,
Сквозь пустоту бросая сумрак дней,
В промозглой сырости над лживыми пирами
Разносит грёзы призрачных огней.

Рассудок прячет истину за шторой,
Развесив занавесь из сотен полуправд.
Кому-то буду я служить опорой,
Но вряд ли этот «кто-то» будет рад.

Сквозит душа моя осенней грустью
О той бесследной утренней заре...
А листопад идёт по захоластью,
Дождём смывая лето во дворе...

29.09.03 – 31.01.10

ПОСЕЩЕНИЕ МУЗЫ

Я мирно спал, укрывшись одеялом –
Покой и тишь, ну просто благодать!
Но заявила муза, распинала:
«Пора вставать! Ну сколько можно спать?!»

Я сонно почесал рукой затылок,
Чтобы поймать какую-нибудь мысль.
Взял карандаш, бумагу, банку пива...
О чем писать?.. Попробуй, разберись...

Налил стакан. Решил придумать сказку.
Но только зря бумагу исчеркал.
«О муза, - я просил, - пошли подсказку!»
А мне в ответ – улыбкою оскал...

Налил второй. А в небе свищет ветер,
И в голове гуляют сквозняки.
Увы, ничто не ново в этом свете,
И мы всю жизнь шалеем от тоски.

Смотрю на пиво хмуро и уныло,
А муза гневно топает ногой:
«Вот так стоять мне, право, опостыло.
Пиши, пока я здесь! Ну что с тобой?»

Я посмотрел на музу, выпил пива
И некультурно так её послал.
Она ушла... Не муза, а крапива!..
А я всё пью – с достоинством осла...
14.01.10

* * *

Был труден путь от счастья до свободы –
Когда встречал закаты и восходы
В хмельном плену у сладостных речей,

Я видел блеск дурманящих очей
И слышал шёпот ласковых ночей...
Опомнился – один стою во мраке

И тени прошлого опять готовы к драке
С грядущим днём, хоть и лежат во прахе,
Сегодня мной поверженные в тлен.

Я разорвал манящий сладкий плен...
02.02.10

* * *

Ищите гениев в трущобах...

Людмила Мысова

Так погибает талант в дикой борьбе за место,
И опускаются руки в тщетных делах земных.
Вместо Чертогов Небес – разбитое старое кресло,
Вместо великих Чудес – отблеск зеркал кривых.

Так погибает талант в нищих и ветхих трущобах,
Тщетно пытаюсь найти лестницу в Небеса.
И исчезает навек в диких лесных чащобах
Тот человек, что слышал ангелов голоса.

Так погибает талант – ненужный
и жизнью забытый.

Этот жестокий мир чужд его красоте.
Хочется верить всё ж: гений, однажды забытый,
Оставит свои следы в царящей вокруг суете.

14.08.10

* * *

Свет Полынной Звезды –
как лекарство от счастья и лени –
Будоражит, зовёт и тревожит, печально маня,

И мчат нас в Неизвестность наши сани –
За тройкой бешеной, всё поперёк Весны.
31.12.08

* * *

- Дверь...

- А что там за ней?

Екатерина Лагутенко «Дверь»

Дверь...

А за дверью – Мечта...

Открываю.

А там – Пустота.

Не уйти

От неё и уже не свернуть.

Позади

Пыль Веков отмечает мой Путь.

Все мечты,

Как всегда, рассыпаются в прах.

На душе

Пустота.

Пустота и лелеемый страх.

10.05.08

Владимир Хитрых

Полцарства за...

И вроде бы есть они – силы бороться со змеем
Того искушенья, хранящего «то-что-имеем»,
И светит уже Шарм-эль-шейх (всё уже
прикинул)...

Но плох тот король, что не видит себя
арлекином,
В моём шутовстве – не сахар, но верное
средство от скуки.

Мои сновиденья – беспамятно нежные руки
Твои, что лечили от гнева, от боли, от смуты.
И даже во сне быть не хочется мне почему-то
Ни мелким шутком, ни монархом,
сто судеб вершащим.

Держи мою руку!
Так хочется видеться чаще...

октябрь 2010

Выводы

Какие, к черту, еще там выводы?..
Работа кончена, руки вымыты,

И наплевать – что кнуты, что пряники,
И от любви я всего лишь пьяненький,
А ведь когда-то пил, словно воду,
Свою свободу.
Взлетают в космос ракеты быстрые,
А мне уже – ни стоять, ни выстоять,
И – пополам, что кому-то плохо там,
Очередная толкает с грохотом
Меня с постели, как тюк с картошкой.
Приходит кошка,
Она сквозь сон мурлычет, что бездарь я,
Что не видала пуще меня зверья,
Что анальгин и глупость – мои друзья,
Что мой – до гроба – удел – засыпать «с ранья»,
Я соглашаюсь...
Идем на крышу,
И нет нас выше,
Как нет счастливей, чем раньше были мы.
Проснись, кошачье моё да с крыльями,
Ведь ждёт стихов еще столик письменный,
И вывод сделан. Пожалуй, истинный:
Метро «Парнас». Да, Вы были правы –
Платформа справа.

2010

Тридцать пятая

В феврале, как в бреду... Кофе с сахаром –
выход из бреда,
Столь недолгий, что силы хватает едва
на «Привет»,
Долгой повестью – снег до обеда и после обеда,
Я приеду. Быть может, не завтра,
но точно приеду,
Выпью крепкого кофе, порву
непослушный сонет
И – в плацкартный вагон. Это вновь
происходит со мною,
Я колюсь этим веретеном – и тотчас же трясёт
То ли жар, то ли поезд. Приснившись мне
феей лесною,
Ты сказала, что будешь моей тридцать пятой
весною,
Но на слове тебя не ловлю. Я приеду – и всё.
Верить ртути нельзя – недосказанность слов
на прощанье
Той, что вырвал из сердца, грозит
тридцатью девятью,
А термометр твердит, что здоров,
и такими вещами
Зря шучу. И ташу, и ташу, что осталось,

Бумажный кораблик, отважный весьма,
И эти странички цветного письма...

2009

* * *

Живите. Рискуйте,
творите. Рисуйте,
пишите. Не ждите
любви – а любите,
рассветы встречайте,
обиды прощайте.
Но слова «прощай» -
Избегайте...

2006

* * *

Убегает молодость лучистая
Во Вселенную,
И душа, как будто совесть чистая,
Тело бренное
Мучить по ночам, смеясь, повадилась –
Третью ночь без сна!
Эй, душа, ну мы же как-то ладили,
И моя весна

Вся прошла с тобой весьма в гармонии –
Как же, как же так?!
Различить едва могу в агонии
Белый свет и мрак,
Гордой птицей падаю подстреленной
Прямо на цветы,
Где ты, моё молодо и зелено,
Где же, где же ты?
Именами ласково девичьими
Буду называть,
Мне с моей душой – почти что птичьёю –
Очень трудно ждать,
Что ко мне вернёшься – рано, поздно ли –
Жизни нить тонка,
Быль моя под небом, полным звёздами,
Крайне коротка,
Сколько крест носить ещё отмеряно –
Знаю ли навряд.
Нет!! Не всё, не всё ещё потеряно!
Люди говорят,
Что вторая молодость является
С неба, как добро.
Только остро чую, как вселяется
Бес ко мне в ребро.
В сотый раз влюбиться в жизнь не вечную –
Это неспроста.

Вглядываюсь я до бесконечности
В храме в лик Христа...
Ночью просыпаюсь – то ль от приступа,
То ль от духоты.
И звонит мне молодость лучистая –
«Здравствуй, это ты?..»

2009

* * *

Смотрю в глаза, как на прибор –
Даль так чиста и так прекрасна,
Сейчас бы в волны с головой –
А мне твердят: небезопасно,
Но предостереженье фраз
Забуть готов единым махом,
И в глубину зелёных глаз
Гляжу без страха.

* * *

Люди, не прячьтесь, люди, не прячьте
Лучших стихов в тетрадь,
Нет – зимней спячке! Нет – зимней спячке,
Ну-ка, не смей спать!

Люди, не ссорьтесь, люди, не плачьте,
Сплин не пускайте в дома,
Нет – зимней спячке! Нет – зимней спячке,
Доброе утро, зима!

* * *

Здесь дождь. Здесь – ливень и тревога,
Зонты и мокрые мосты.
Сентябрь дождем умыл дорогу,
Дорогу, за которой – ты.
Здесь всё не так. Здесь город скучен,
Не пахнут здесь весной цветы.
Лишь путь один благополучен –
Дорога, за которой – ты.
Когда на юг – она тосклива,
Без суеты и маеты,
Когда обратно – торопливо
Влечет она – туда, где ты.
Тот путь, что месяцы и годы
"Дорогой в свет" именовал,
К тебе дорогой сделал твёрдой
И именем твоим назвал.
К тебе! Закончить расставанье...
К тебе, сквозь реки и мосты.

И уничтожит расстоянье
Дорога, за которой – ты.

лето 1993

ФЕВРАЛЬ

Чем-то расстроена, чем-то встревожена,
Ищешь глазами ты счастья – хоть капельку...
Часа спокойного хватит ли? Боже мой, -
Нищенкой время застыло на паперти,
Пряча глаза покрасневшие. Отдали,
Плача и путаясь, почестей вежливых...
Где твои ангелы? Рядом, поодаль ли –
Тенью укутана крыл белоснежных ты.
Где-то за сопкою – рыжее, блёклое –
Ненастоящее солнце, как лампочка.
Санною тропкою к сердцу далёкому –
Вешне-звонящая оттепель. Лапочка...
Чем ты расстроена? Может, так кажется
Мне на огромном таком расстоянии?
Холодно. Боязно взять и отважиться
Перечеркнуть мои воспоминания;
Так – не зачеркнуто и не исправлено –
Всё и останется в памяти нежиться,
Линией четкою, тропкою санною,
Слабым морозцем с узорами нежности.

К солнцу стремятся – судьбы пилигримами –
Мысли. Как странно... Пути не наметили.

Где дорогая мне?
Где ты, Любимая?
...Только февраль ничего не ответил мне.
29 мая 2000

* * *

Листопад... Последний танец бальный
Пар цветных в костюмах симпатичных.
Новая осенняя реальность:
Жду весны, не календарной – личной,
Словно солнца тёплого подарок,
Я ищу подснежники на клумбах.
И уже не мёрзлых листьев пары –
Юные цветы танцуют румбу.

Олег Грацелев

Разграничив чёрным швом
все дела на «до» и «после»,
став беспомощным птенцом –
удивлённым, желтоносим,
не щадя ни сна, ни шеи,
поминутно беспокоя:
- Мама, что это такое?

Где припрятал Ветер губы?
Кто придумал имя – Гунька?
Что растёт из лесоруба?
Почему свистит свистулька?
Почему я понимаю
то, чего ещё не видел?
- Мама, кто тебя обидел?

Но, привыкнув к беспорядку
ежедневных иллюстраций,
ничему не удивляясь,
и на боль смотреть сквозь пальцы –
мудрость мира осторожна
обострённым чувством фальши:
- Мама, что же будет дальше?

И, узнав цветов название,
и опасностей приметы,
что ничто не постоянно,
звери – слабы, люди – слепы,
верить! в то, что в этом мире
ничего не умирает!
- Мама, разве так бывает?

Неровны строчки предрассветных писем,
Неровный выдох вдруг раскрытых тайн.
И я от тяжкого секрета независим,
И пьян от счастья или как будто пьян.
И вдруг устав мечтать о непредметном,
Избавившись от логики оков,
Я снова восхищаюсь первоцветом
И нежной зеленью пробившихся листков.

Научи меня танцевать.
Научи меня двигаться плавно,
Чтобы слиться с твоим дыханьем,
Чтобы времени счёт потерять.

Научи меня не устать
Избавлять тебя от суеты.
Как желанья мои просты...
Научи меня танцевать.

Здравствуй, добрый человечек,
обречённый мной на горе,
я в твоих слезах увидел
море.

Я не сразу-то и понял
сердца звонких колокольцев.
В мягких звуках серебра
я слышал солнце.

Увлечённый сам собою,
я забыл, что невниманье
против нас же во сто крат
обернётся камнем.

Что же нужно, чтоб понять
суетность стремлений,
отвлекаясь на добро
между делом – время!

Ошалев от странных звуков,
в тишине сходя с ума,
я от страха забывался
приступами сна.

Растревожит ночь к утру
звёзды мелкой сечкой.
Здравствуй, здравствуй, милый друг,
добрый человечек!

Поутихли вокруг нас
кукольные страсти,
так позволь же я тебя
обниму на счастье!

Поток людей, событий, дел,
и я гребу против течения,
и каждый день – как приключенье,
где синих птиц идёт отстрел.

Где посидеть за книгой – счастье.
Где подвиг – написать письмо.
И крепость-дом – на ключ. И в лом
в чём-либо принимать участие.

Где всё предельно осторожно
и беспредельно хищно, жадно.
Где даже жалость беспощадна,
и слово Божье Безнадёжно.

МЕНЯ ЗОВУТ ГОРОД

Я на бумажке стою промокательной.
Нестройный, но гордый и необязательный.
Написанный чьей-то рукой торопливою,
Детской рукой.

С домами, квартирами – собачьими будками,
Корнями вверх, тополями-обрубками,
растущими вдоль избитых дорог,
Жилой, не живой.
Посмотри на меня!
Меня зовут – Город!
Посмотри на меня!

Днём я слеп, я глух и нем,
Я грязен, опутан, изрыт,
А ночью мы остаёмся с тем –
С тем, кто не спит.

Но я задыхаюсь сухими фонтанами,
асфальтом, бетоном, осколком стекла...
Дожить до утра, что ещё надо?
Ничего мне не надо, кроме дождя
И тех рук, что рисуют меня.

СЕНТЯБРЬ

Тончает зелень...
Уж под ногами
шуршит
 былая сочность лета,
переходя в минорную тональность.
Кряхтят стыдливо
 голые деревья.
 Ленивы мухи,
 люди серы –
такая «виртуальная реальность» -
и всякий на свой лад.
У всех свои манеры,
переходящие в картины Бытия,

которые рисуем мы
того не замечая...
И вежливо покашливает Осень,
чтоб обратить вниманье на себя.

АХ, КАКАЯ ЗИМА...

Ах, какая зима на пути пролегла,
людоедкой вползла на манеж.
Колотила, кусала, слепила глаза
и проела молчаньем всю плешь.
Те, кто спят, не грешат и не маются,
вне закона гармония сна.
Только кто-то во сне улыбается,
а другие зубами скрипят.
А в тоске светлый день не приблизится,
не прибудет в полку новых чувств.
Не успели как следует выспаться,
тычет в бок, мол, давай подлечу!
Вдох глубокий, а после на самое дно,
и желанье чего-то достичь...
Ржавой перхотью ссыпалось струн серебро;
«Делу - время» - предательский клич.
До смешного просты жернова пустоты,
супротив всем порядкам и что ж?
Просто ты всякий раз избегал простоты,

а сегодня вынь да положь!
Только в мире вещей всё гораздо сложнее.
С трезвых глаз да не с лёгкой руки,
на лице у души, меж весёлых прыщей,
расплылись штемпеля-синяки.
Ты равняйся со мной, но не сравнивай.
Нам везде: от ворот – поворот.
Мы с тобой – исключенье из правила
и на выход идём через вход...
Было много всего, только много ли?
Всё не то, и не так, и не там...
Всю весну мы глазами прохлопали,
а теперь вот трещим по всем швам!

ВОСЕМНАДЦАТЬ КАРАНДАШЕЙ

Верю в тридцать второе мая
и в четырёхлепестковый клевер.
А сентября такого, например,
не припомню... или, допустим,
верю по глупости, что отыскиали меня
в капусте.
А почему бы и нет? Здравствуй-привет.
Здравствуй. Здорово. Мир вашему дому
не надоел?
Гасите свет, там видно будет.

Знаю, что завтра наступит,
но не знаю чего мне от завтра ждать,
когда я вчера его ждал.
Боялся проспать и... проспал.
Сам виноват! А у вас на всё отговорки,
из пустого в порожнее лить
с помощью дырявой воронки.
И забот полон рот, некогда удивляться.
Удивляюсь я редко, полтора раза в год.
Грех смеяться. А вот этим грешу я часто.
Вчера убежал от друзей, чтоб не напиться,
тут пришёл черёд им удивиться.
Устаю, бывает, но тут главное выспаться.
А проспать не главное.
Главное – проснуться не от выстрела,
и чтоб не заняты были туалет или ванная.
Восемнадцать карандашей!
А жизнь – величина переменная.
А перемены – всё чаще скверные.
Опять же, если всё ровно да гладко,
так и 32-е мая было б в порядке
вещей, как у больной собаки блох,
с вами у нас которых
(или от грязи – вшей).
Фу, больницей запахло.
Не надо болеть!

Я однажды болел, ничего в этом хорошего.
Мог бы и умереть, если б не верил
в четырёхлепестковый
клевер.

Тоскуя о чём-то своём,
я вам хотел доказать,
что я на верном пути
и мне есть, что сказать.
Но тысячи слов впустую,
и мне вас не удивить.
Я сам "человек" – только слово.
Я только учусь им быть.

Алла Зенина

Венок страстей

1

Колдунья Ночь, в парчу и в шёлк одета,
Плетёт из звёзд созвездия-венки, –
В объятиях космической реки
Они плывут, чаруя спектром света.

Судьба венки творит – причудливее нет их,
В них хрупкой радости вплетает светлячки
И тут же гасит взмахами стилета –
Безжалостней не сыщется руки.

Свершит свою коварную вендетту –
Беспомощно усердые мудрецов! –
Концы надёжно спрячет в водах Леты.

А Ночь-сообщница не выдаёт секреты,
Гипнотизирует зарницей снов,
Шуршит нарядом и поёт без слов.

2

Шуршит нарядом и поёт без слов,
Кокетничает в бликах светотеней,
И ветер укрощает норы свой –
Прилёт, покорный, у её коленей.

Бессменная царица всех пиров,
Хранительница тайных вожелений,
Наставница неопытных юнцов,
Наперсница воров и менестрелей, –

К священным алтарям сзывает муэдзином,
И в правоте своей неотразима,
Привычно проповедует, что Бог – любовь.

Богиня Никта! Проще – Ночь ей имя.
До проблесков зари, до звонких петухов,
Плывёт лукаво в чудном танце снов.

3

Плывёт лукаво в чудном танце снов
Гитаной озорной и грациозной,
И не поддаться чарам невозможно –
Пленяет блеском звёздных жемчугов.

Но, лик сменив, Гекатой одиозной
Наводит страх на лучший из миров,
Смущает шёпотом загробных голосов,
И жуть тому, кто в гости ею позван.

Она лишь Космосу подвластна да
Подчас, непредсказуема. Всегда
В одежды траура роскошные одета.

Волшебница, потатчица любви,
То проклянёт, а то – благословит,
Чарует ласковой улыбкой луноцвета.

4

Чарует ласковой улыбкой луноцвета,
Соблазнов зарослями ловко обольстит,
Забудешь напрочь благочестье и запреты,
Когда, призывный, Ночи взгляд настиг.

А луноцвет небесный так красив!
Загадочный, любви цветок-планета,
Вливает силы и лишает сил,
Он для Земли – священным амулетом.

Ночь восхитительна и хороша!
С цветком любви в вороньих волосах,
В пороке и невинности – бессмертна.

Идёт-плывёт, достоинством дыша,
На сонных отражает витражах
Все звёзды – брызги призрачного света.

5

Все звёзды – брызги призрачного света,
Рассыпавшись серебряной росой
В полях эфира, в бесконечном где-то,
Перекликаются лучами голосов.

Раскрыт для всех небесный часослов,
Но код не зная, не прочесть куплеты.
Настойчиво пытаются поэты
Земное – шифровать в созвездья слов.

Всевышним так устроено давно:
Приоткрывая тайное окно,
Нас интригует блесками миров.

А Ночь, вакханкой жгучей, обольщает,
Поэты ж вдохновение черпают
В бокале Ночи, полном до краёв.

6

В бокале Ночи, полном до краёв
Напитком для богов – амритою –
Танцуют блики звёздных пузырьков,
И скатерть неба, словно им залитая.

Ах, вожделённый! Парочку б глотков! –
Недосягаем! Гарпии так бдительно
Хранят рецепт бессмертия богов,
Чтоб люди не смогли открыть его.

О, бесконечность миражей терпенья,
Иллюзия надежд и вдохновенья
Манящей сказки разгадать секреты!

Как жажда велика освободиться
От смерти! Схрон найти и причаститься
Напитком грёз из тайн, как воды Леты...

7

Напитком грёз из тайн, как воды Леты,
Нас постоянно соблазняет бес,
Сулит всещедро манну от небес,
О помыслах благих даёт обеты.

Как искусительно познать запреты!
Отведал, отключился и «воскрес»
В сиянии неведомых чудес,
В чертогах ослепительной планеты.

Какие сладкие трезвоны голосов! –
О, мука смертная, когда жестоко
Реальность сдёрнет забытья покров!

Насмешливою ведьмой волоокой,
Глядит, как иглы боли в голове глубоко
Искрятся сказками загадочных миров.

8

Искрятся сказками загадочных миров
Глаза влюблённых – чувство бездорожья
С извечным трепетом: где истинно, где ложно,
Орбиты ль обретут круги венцов?

Глаза, как зеркала, в них с лёгкой дрожью
Мерцает фосфор розовых кустов –
Цветок невинности всегда готов
Пойти на казнь, упасть любви к изножью.

Непостижимая, хоть взглядом помани! –
Пред тайною сияющей любви
Бледнеют тайны неразгаданных миров.

Не заглушить Природы вечный зов,
Бушуют реки горные в крови...
О, наслажденье сбросить суеты покров!

9

О, наслажденье сбросить суеты покров,
Условностей вериги – вольно дышим,
Способны ощутить: едва колышим,
Эфир струится шёпотом листов.

Природа – Храм Свободы, всех сынов
Зовёт под своды, только разве слышим
В суетности шальной? И в Храма ниши
Спешим с инстинктом загнанных волков.

Всю муть души, терзанья плоти брэнной
Выплёскиваем мы в лицо Вселенной,
Так одержимы бесами бездумья.

В унижении стенаем всласть,
В грех суеверия готовы впасть,
Отдав себя во власть ночной колдунье.

10

Отдав себя во власть ночной колдунье –
Сивилла, смилуйся, провидь, предверь,
Приотвори немножко в завтра дверь! –
Неистово гадаем в полнолуние.

Мягутся души от напастей и потерь,
Тревожно оглушает семиструнье
Грехов бесспорных, – Помоги, ведунья!
На картах – судьбы, никогда или теперь?!

Под тенью крыльев Немезиды строгой,
Прикрытые незримой, страха тогой,
Беспомощно дрожим пред чашами весов.

Агнцами на закланье, трепеща,
В последний миг под лезвием ножа,
Мы получаем отпущение грехов.

11

Мы получаем отпущение грехов...
Так благостно дышать, расправив плечи!
А птичьи голоса, как хоры певчих,
Поют Осанну во века веков.

Ночь зажигает щедро звёзды-свечи
И дарит отдых от дневных трудов,
Рассвет улыбкой и росой лечит,
Раскроет в душах венчики цветов.

Прекрасно чувство обновлённого покоя –
С собою в мире жить, судьбе не прекословя,
Мир милосерден, хоть достаточно суров.

Но часто раздвоение терзает души,
В объятиях противоречий, так послушно,
Не веря в них, мы почитаем всех богов.

12

Не веря в них, мы почитаем всех богов...
Необорима память генов в крови
И не подвластна просвещённой нови –
Плетём узлом концы от разных поясов.

Глубинное, сильно упрямство родников,
Найдут дорогу из тисков неволи, –
Так чувств подспудных сонм, водой живую,
Выходит из условных берегов.

Неистовым фонтаном, многоструйно,
Прорвав рутину брэнной суеты,
Сверкают чувства дикой красоты.

Вновь первобытъя зазвучали струны,
Мы снова у истоков простоты,
Инстинкту подчиняемся сумбурно.

13

Инстинкту подчиняемся сумбурно,
Вулкан страстей – на грани изверженья:
Боль, гнев, любовь – в ночь магмою пурпурной,
Стенаем и горим, и жаждем утешенья.

Луна, отринув стылое свеченье,
Календулой горячею раскрылась,
Природу всю окрест преобразила,
Взорвала сонное оцепененье.

Клубятся ненависть и ревность тучами...
О, сколько судеб ими перекручено!
Накал слабеет, сгустки разметав грехов.

И в душах остаётся только лучшее.
Припав с надеждой к алтарю Природы, вновь
Со страстью молимся на идола – Любовь.

14

Со страстью молимся на идола – Любовь –
Извечную, загадочную новь.

О, многоликая, фантом неуловимый,
Возможности и сила чар – неоспоримы.

Какая честь, коль не пройдёшь ты мимо.
Но как узнать? Свой лик чадрой стыдливо
Скрываешь. Не придумали очков,
Способных камуфляжный просветить покров.

Туманное пятно, лишь сонмы ощущений,
Везде ты и нигде, Божественный наш гений,
Нетленностью твоей земная жизнь согрета.

О, сколько образов небесной красоты
Тебе придумали, и есть один, где ты –
Колдунья Ночь, в парчу и шёлк одета.

Магистрал

Колдунья Ночь, в парчу и шёлк одета,
Шуршит нарядом и поёт без слов,
Плывёт лукаво в чудном танце снов,
Чарует ласковой улыбкой луноцвета.

Все звёзды – брызги призрачного света
В бокале Ночи, полном до краёв
Напитком грёз из тайн, как воды Леты,
Искрятся сказками загадочных миров.

О, наслажденье сбросить суеты покров!
Отдав себя во власть Ночной колдунье,
Мы получаем отпущение грехов,

Язычниками почитаем всех богов,
Инстинкту подчиняемся сумбурно,
Со страстью молимся на идола – Любовь.

Владимир Кузнецов

ШАНС

Я опустил автомат и, привалившись к холодной каменной стене забора, закрыл глаза – впервые за последние сутки. Грохот разрывов сразу как-то отдалился, непрерывный звон в ушах поутих.

Бой ещё продолжался, но уже где-то на противоположной стороне селения.

– Я больше не могу.

– Что не можешь? – спрашивает напарник. Он расслышал мои слова.

– Убивать. Вообще так жить.

– А... Все мы не можем, – он улыбается. – Но приказ есть приказ. В окопах пацифистов нету. Или ты – или тебя. Два варианта.

– Знаешь, мне кажется, что меня надолго не хватит.

– Не раскисай, – уже жёстко обращается ко мне напарник. – Ты здесь не один такой. Всё будет в порядке.

...Пулемёт бьёт неожиданно, откуда-то сверху, скорее всего, прямо с мечети. Напарника словно невидимая ладонь бросает о каменную

стену дома, он сползает по ней вниз и наконец валится навзничь.

Я с размаху – так, что лязгают от удара зубы – падаю лицом в грязь, словно пытаюсь зарыться в неё. Старая неглубокая воронка от взрыва на краю улицы – далеко не лучшее место для укрытия, но ничего другого здесь нет.

Всё становится понятно – это засада, причём сработанная на редкость грамотно. Нас подпустили поближе, и теперь без помех накрыли перекрёстным огнём. Сейчас начнут долбить гранатами из подствольников. Прятаться мне особо некуда, а значит, и жить мне осталось не больше минуты – ровно на такой срок я переживу своего напарника.

Я окружён, но не пытаюсь стрелять. С меня хватит. Я жду лишь последнего взрыва, который поставит точку.

...И тут же вспышка воспоминаний гаснет, прошлое мгновенно утекает прочь, словно вода, исчезающая в водостоке.

Я иду по бесконечному коридору Управления, вокруг пустынно и тихо, на пластиковых панелях стен блики от ламп дневного света под потолком. Здесь нет окон, лишь сплошная покрытая пластиком стена с

одной стороны и вереница обшитых по-старомодному чёрной кожей дверей кабинетов – с другой.

Уже год, как я вернулся *оттуда*. Я отслужил своё. Война напоминает о себе только периодическими головными болями – последствие тяжёлой контузии. Но, главное – я остался жив.

Теперь я рядовой клерк нотариальной конторы, но даже эта должность была невероятной удачей, поскольку компания считалась очень респектабельной, и попасть сюда, особенно без высшего образования, было не так-то просто. Но мне это удалось: сказался удачный результат собеседования.

Более того, три месяца назад меня ждало повышение – пост начальника отдела. И так бы оно и было. Если бы не появление Леонида.

...Непонятный человек, возникший словно ниоткуда.

В общем-то, я ничего не имел против него. Он был молод, моего примерно возраста, то есть двадцати с небольшим лет. Но всё-таки он сразу показался мне, да и не только мне, каким-то странным – неловкий, неразговорчивый, весь погружённый в себя.

Он почти не общался с нами. Сослуживцы для него в плане обычного общения как бы и не существовали. У него был маленький кабинет, отделённый от нашего общего офисного помещения стеклянной стенкой, где он просиживал почти всё время. Так и он сам – как будто отгородился от всех нас невидимой, но непроницаемой стеной.

Наши остряки тут же прозвали его Акакием Акакиевичем по имени незадачливого чиновника, главного героя гоголевской «Шинели». Но до открытых подначек дело не дошло – ведь всё-таки он был начальником отдела, да и мало ли в фирме работало тупиц по чьей-нибудь «высокой» протекции, в общем-то, ничего такого необычного.

Удивительным было лишь одно: он с самого начала попросил, чтобы его звали... по имени, просто Лёней. Для начальника отдела такой демократизм казался немыслимым, к тому же сынки больших начальников, как правило, держались с подчинёнными очень высокомерно, всячески стараясь подчеркнуть своё превосходство, хотя на самом деле в работе почти ничего не смыслили, да и на своих рабочих местах появлялись крайне нечасто.

А Лёня был, в общем-то, весьма добросовестным сотрудником, только словно немного... заторможенным, что ли. Он даже не назначил себе заместителя, и поэтому вынужден был тянуть весь воз работы сам, что, наверное, при его пресловутой медлительности стоило ему немалых трудов. И, тем не менее, он явно не соответствовал занимаемой должности, точнее сказать, такие люди не соответствовали кадровой политике фирмы.

Из всего этого мы сделали вывод, что парень явно «со стороны», а в смысле должности ему просто повезло – кто-то по дружбе «замолвил за него словечко» и продвинул на это место. Ну что ж, бывает, только долго он здесь вряд ли продержится.

Коридор кажется бесконечным – или это я просто иду так медленно, сам, непроизвольно, замедляя шаг?..

Зачем я всё ещё думаю о Леониде? Но ведь он – причина всего...

Я вновь, в который уже раз, вспомнил то, что случилось четыре дня назад. Если бы я тогда поступил по-другому...

Филипп, один из старожилов нашего офиса – он работал тут уже без малого три года –

неожиданно попросил меня в тот день задержаться после работы. Есть серьёзный разговор, сказал он.

Меня эта настоятельная просьба совсем не обрадовала.

– Слушай, я не могу... Ну, если ты так просишь, ладно, но только минут на пятнадцать, не больше, у меня отец болеет, мне домой надо, посмотреть, как там он.

– Он у тебя вечно болеет, – пожимает плечами Филипп. – Отдал бы его в какой-нибудь дом престарелых, там бы о нём заботились.

– Скажешь тоже. Там же чужие люди, а дома всё совсем по-другому...

– Ладно, – прерывает он меня. – Я не об этом хотел поговорить.

Мне никогда не нравился Филипп – его нарочито-жизнерадостный вид, круглое сытое лицо, плотная фигура. И вечное холодно-ироническое выражение в его глазах.

Типичный офисный человек, с типичными шутками, выражениями, и, конечно, с неизменным в этих кругах циничным взглядом на жизнь. Лично я так и не сумел прижиться здесь, то есть не воспринял их привычки, их

жизненную философию, да, честно говоря, и не пытался.

Поэтому у нас в офисе меня особо и не жалуют – или это моё впечатление ошибочно?..

Первые же слова Филиппа кажутся мне на редкость странными.

– Женья, ты ведь хотел повышения, не правда ли?.. – Что-то мне совсем не нравится этот преувеличенно-участливый тон, столь не характерный для него. – Должность начальника отдела как раз для тебя.

– Ну и что? – пожимаю я плечами. Тоже мне, змей-искуситель. – Ты же сам знаешь, это место больше не вакантно.

– Оно вполне может стать вакантным, – уже совсем по-другому, серьёзно и холодно-спокойно, говорит Филипп. – Взгляни-ка на это.

Он достаёт из папки и подаёт мне несколько бумаг.

Я просматриваю документы.

– Итоговая отчётность. Вроде всё нормально, но...

И тут я, наконец, начинаю понимать...

– Здесь же не поставлены суммы отчислений в бюджет за целый год. Как же такое может

быть, кто так напутал?! Ведь если бы это попало в налоговую...

– А, теперь ты понял? Я тоже сначала глазам своим не поверил. – Филипп снова улыбается. – А подпись – *взгляни на подпись*.

– Где ты это достал?

– Шарил в архиве. Так, по пустяковому делу. Ну и наткнулся на это... сокровище. Первоначальный экземпляр, заметь. Кто-то подчистил за ним всё, переписал как надо, но оригиналы документов забыли уничтожить, просто сунули в архив на дальнюю полку. Он подписал собственноручно. Наш Акакий Акакиевич. Вот олух. Но теперь этот документ у меня... к счастью для нас с тобой.

– Почему – к счастью?

Филипп, прищурившись, смотрит на меня.

– Мы *сожжём* его этими бумагами, Женя. За ошибки надо платить, верно? А он ошибся так, что круче не бывает. И теперь ему конец.

– Я тебя не понимаю. Ты говоришь... о Лёне?

– Ну, конечно, о нём, об Акакии нашем, о ком же ещё.

– Филипп, но ты ведь знаешь Лёню, он немного странный. Ну, подумай, ошибся человек...

– Через два дня, – прерывает меня Филипп, – проверка КРУ. Нас опять будет потрошить Контрольно-Ревизионное Управление.

– И что из того?

– А вот что. Подшей эти бумаги в любую из папок отчётности, и дело сделано. У меня нет к ним доступа, а у тебя есть. И мы его *сожжём*, – повторяет Филипп явно понравившееся ему слово. – В ходе проверки *они* обнаружат документы. Никто не сможет догадаться, как они туда попали, может, и по случайности. Более тщательная проверка легко установит факт подмены подлинных документов теми, что сейчас подшиты в папке годовой отчётности. И колесо завертится... После всего этого, боюсь, нашему Акакию Акакиевичу не удержаться на своём насиженном местечке.

– И что дальше?

– Ты станешь начальником отдела. А я, – он внимательно смотрит на меня, и мне очень не нравится этот взгляд, – я стану твоим замом. *Ты* меня назначишь. Услуга за услугу.

– Но, Филипп, подумай о Лёне... ты представляешь, какие у него будут неприятности? Тут может не ограничиться увольнением.

– Разумеется. Его засудят, это точно, – улыбается Филипп, как будто мысль об этом доставляет ему удовольствие. Я знаю, что он недолгобливает Лёню, он всегда не упускал случая высмеять его, – конечно, за глаза, – но я даже не представлял, что эта неприязнь до такой степени глубока. Чем этот тихий и спокойный парень, пусть даже и несколько тугодум, не угодил нашему светскому льву? Почему преуспевающие карьеристы всегда так ненавидят тех, кто хоть в чём-то не похож на них?

– Речь идёт о должностном преступлении, это не шутка. И ему придётся ответить за свои грехи по всей строгости закона, – продолжает Филипп, но вдруг, помедлив, спрашивает у меня уже без улыбки:

– Ну, так что ты скажешь?

– Я не могу пойти на такое.

– Он не на своём месте, Женья. – Филипп понимает, что сейчас говорит *правду*, и это – его главный козырь. – Это место *твоё*. И ты это знаешь. Он же форменный идиот, и какой дурак только принял его к нам?..

– Не такой уж он идиот, ты ведь видел его «корочки», с образованием у него всё в полном порядке.

– Ну и что, что «красный» диплом, зато у него «не все дома», он еле-еле дело тянет, ты же сам знаешь, – голос Филиппа становится тихим.
– Это шанс, Женя.

– Что?..

– Наш, или точнее, *твой* шанс. Такой шанс бывает только раз. Второго у тебя не будет.

Начальник отдела. Двойной оклад. Действительно, я очень рассчитывал на это место тогда, три месяца назад, когда в офисе вдруг неизвестно откуда появился Леонид и занял вакантную должность.

Достаточно подшить несколько бумаг в скоросшиватель, и этот нелепый человек исчезнет. Погибнет, а моя карьера пойдёт вверх. Железная логика.

Значит – всё продолжается?.. Война, только другими методами?

А я-то по наивности думал, что всё позади.

Вернувшись в мир людей, я мечтал вновь стать человеком.

А оказывается, война продолжается и здесь.

Отшвырнуть любого на своём пути, толкнуть пошатнувшегося, а если надо, убить его, пусть и не своими, а чужими руками – вот то, чем они живут. Та же война, только всё шито-крыто.

Каждый за себя, каждый готов на всё, лишь бы урвать себе кусок жизненных благ.

И вот теперь мне предстоит стать таким, как все они. Как мои сослуживцы. Как Филипп.

Хватать куски пожирнее, и смеяться над теми, для кого имеют значение слова «совесть», «честь».

И ещё одно слово.

Предательство.

Уж Филипп знает в нём толк.

Пора высказаться на этот счёт и мне.

...Он с изумлением смотрит, как я достаю зажигалку. А потом безуспешно пытается выхватить у меня из рук пылающие листы.

– Сволочь!.. – почти кричит он, в его голосе и ярость, и изумление. – Сволочь!.. Зачем ты это сделал? У меня же нет копии.

Он ещё несколько секунд осыпает меня ругательствами, вид у него такой, словно он вот-вот пустит в ход кулаки.

Вдруг он замолкает, и смотрит на меня, а потом опять говорит, но уже иным тоном, хотя всё ещё тяжело дыша:

– У тебя был шанс, но ты его упустил. Ты всё испортил. Решил поиграть в милосердие, да?

– Здесь не война. Я не буду убивать.

– Что ты мелешь, какая война?! А хоть бы и так – жизнь и есть война. Или ты, или тебя.

– О... знакомая песня. Но это ты так считаешь. А я думаю по-другому.

– Да? Ну, так со своими вшивыми принципами ты никогда ничего не достигнешь в жизни, понятно тебе это? – он кривится в злобной усмешке.

– Оставь меня в покое, – прерываю его я. – И вообще, мне пора.

Я встаю и, взяв портфель, иду к выходу из офиса. Я чувствую, как Филипп смотрит мне вслед, но не произносит больше ни звука.

Люди из КРУ проверяли нас основательно, с самого утра и до позднего вечера, но ничего не обнаружили.

Это было два дня назад. А сегодня меня вызвали к Старику.

Я видел, как сослуживцы оглядывались на меня и оживлённо перешёптывались между собой, когда я шёл к выходу из офиса. Они словно что-то знали о цели столь неожиданного вызова на самые верха.

Но я уже и сам всё понял. Этого следовало ожидать. Сдерживаемая ухмылка на лице Филиппа, который издали наблюдал за мной из-

за большого экрана своего монитора, всё мне объяснила.

Это его рук дело. Он донёс на меня и наверняка представил всё так, будто это я нашёл документы, уличающие Леонида и намеренно уничтожил их. Что ж, не худший, с его точки зрения, способ отомстить.

Но для меня это – конец. Никто не будет ни в чём разбираться – меня просто уволят, выкинут за порог.

Вот к чему привела моя принципиальность.

Что я скажу отцу?

Что по-глупому вылетел с работы из-за своей неговорчивости?..

Что теперь мне придётся ещё минимум полгода околачиваться на бирже в поисках вакансий?

Он, конечно, ничего мне не выскажет, ни слова упрёка – но сам-то я могу задать себе вопрос: каково это – быть вечным неудачником?!

...Словно в каком-то полусне, я прохожу через холл Управления и нажимаю кнопку вызова лифта.

Лифт останавливается на семнадцатом этаже. Мне сюда.

Какая роскошная планировка. Я никогда раньше не бывал здесь, ведь это место – только для высшего персонала фирмы, к которому я, естественно, никак не отношусь.

...Я медленно иду по коридору – и тут-то меня пронзает то воспоминание, скорее даже видение прошлого – бой, последний мой бой год назад. Но чего вдруг мне припомнилось это *здесь*, в коридоре Управления?

Может, потому, что и тогда, и сейчас, я, вопреки всему, принял решение, которое не могло сулить мне ничего, кроме больших неприятностей, но которое я считал единственно для себя возможным, а значит, и единственно правильным, невзирая ни на какие последствия. В прошлый раз я после этого был серьёзно ранен, но сумел выкарабкаться.

А что случится со мной сегодня?..

Секретарша окидывает меня быстрым взглядом, и мой вид явно её не впечатляет. Тем не менее, она быстро встаёт из-за стола и указывает мне на двери кабинета.

– Проходите, вас ждут.

Редко кого удостаивают личным вызовом к Старику. Обычно генеральный директор не снисходит до общения с «простыми смертными»,

то есть младшим и средним звеном своих подчинённых. Он слишком высоко над всеми нами, и эту работу выполняют другие, благо, помощников у него хватает.

Но не на этот раз. А значит, проступок мой в его глазах настолько серьёзен, что он сам пожелал меня увидеть, и, возможно, с пристрастием допросить, – перед тем, как вышвырнуть вон из фирмы.

Двери кабинета, кажущиеся очень массивными, раскрываются на удивление легко и бесшумно.

Я много чего наслушался о нашем генеральном директоре. И ничто из того, что я знал, не оставляло мне и малейшей надежды.

Старик беспощаден. Он олицетворяет собой один из наиболее жёстких типов руководителей. Он нечеловечески требователен и превыше всего ценит порядок. Старинное выражение «ходячий арифмометр» подходит к нему как нельзя лучше.

Он отдаёт работе почти всё своё время, никто даже не знает о его семье, и вообще, есть ли она у него. Вот такой это человек.

Ну а со мной... всё яснее ясно. Старик сейчас взбешён тем, что произошло. Как же, не доложил по начальству, вдобавок самовольно

уничтожил документы. Он наверняка сделает из меня козла отпущения. Возможно, пострадает и Леонид, но тут спишут всё на неосторожность, у него ведь явно есть покровитель. Кто-то же помог ему замести следы и задним числом правильно оформить документы. А вот мне несдобровать.

Кабинет Старика кажется огромным, почти как весь наш офис.

За старомодным письменным столом тёмного дерева восседает Старик – абсолютно седые волосы, худощавое неподвижное лицо, тёмные глаза без выражения следят за мной. Я видел его до этого только один раз – на общем собрании фирмы по случаю юбилея.

– Здравствуйте, Эдуард Михайлович.

В горле пересохло, и мой голос звучит как-то неестественно глухо и сипло.

– Садитесь, – вместо приветствия произносит Старик.

Я нерешительно опускаюсь в небольшое удобное кресло напротив его письменного стола.

– Вы знаете, зачем я вас вызвал?

– Догадываюсь, Эдуард Михайлович.

– Вы попали в нехорошую историю.

Я молчу, весь внутренне оцепенев, хотя и ожидал именно такого начала – или атаки, или прямого допроса. Всем известно, как Старик не любит предисловий и всяческих «плавных подводок» к сути дела.

– Я говорю о документах, подписанных вашим начальником отдела. И о том, что вы с ними сделали. – Его голос по-прежнему лишён какого-либо выражения.

– Эдуард Михайлович, – решаюсь я, наконец, нарушить своё молчание. – Если вы считаете, что я виноват, я не буду возражать, хотя имею на этот счёт иное мнение. Что касается тех документов, они попали мне в руки случайно, и я считаю своё поведение единственно правильным в тех обстоятельствах.

– Не всё так просто, – вдруг говорит Старик. – Бумаги находились в архиве. Их изъясил кто-то другой, не вы. Для чего, с какой целью? Возможно, кто-то решил воспользоваться документами в своих корыстных интересах? А вам предложили, в связи с этим... определённую сделку. На которую вы, по всей видимости, не пошли...

Да, Старик недаром славится своим аналитическим умом. Он мгновенно просчитал

ситуацию и, пожалуй, способен сам обо всём догадаться. Ему даже не нужны мои ответы. Теперь я начинаю понимать причину громкого успеха нашей фирмы на столь затоваренном сейчас юридическом рынке.

Но я молчу. Не стану же я топить Филиппа, хотя в моём положении логичней всего было бы отомстить ему – и тогда меня уволят из фирмы не одного, а уже на пару с ним. В том, что меня в любом случае ждёт увольнение, я не сомневаюсь – Старик более всего заботится о «чистоте рядов», репутации компании, а единственным способом пресечь уже наверняка распространившиеся по фирме слухи является быстрое устранение с глаз долой главного фигуранта всего этого дела – то есть меня. Иного и быть не может.

И тут Старик, глядя прямо на меня, задаёт вопрос, услышать который я ожидаю меньше всего – по крайней мере, от такого человека, как он:

– Зачем вы решили защитить его? Он же вам не друг.

Я, не понимая, смотрю на него. Тогда Старик терпеливо поясняет:

– Я говорю о вашем начальнике отдела.

А что, если сказать ему правду? Мысль эта вдруг кажется мне не такой уж сумасшедшей. Выложить всё начистоту, раз в жизни. То, о чём я думал там, на войне. Терять мне теперь нечего – я уже всё потерял.

– Эдуард Михайлович... – говорю я медленно, стараясь обдумать каждое слово, словно это самая важная речь в моей жизни, – ...хорошо, я постараюсь вам объяснить. Мне пришлось пережить трудные времена. Если совсем откровенно – я был на войне, или, точнее, на «участке межнационального конфликта», как сейчас принято это называть. Не по своей воле, но был и делал всё, что от меня требовали. И вот именно там, в какой-то момент, я дал себе обещание, или, может быть, лучше сказать, клятву: если я вернусь оттуда, смогу выжить в этой мясорубке, то никогда больше не буду причинять вреда никому, насколько это вообще в моих силах. Я убил очень много людей и только потом понял – нельзя оправдать убийство и вообще насилие. Ни при каких обстоятельствах. Это пришло как озарение, и это вовсе не проповедь добра и не связано ни с чем религиозно-пацифистским, я вообще не люблю никаких догм – а просто мгновенное и ясное

понимание реальности. Жизнь, причём не только в узко-физическом смысле, а во всей её полноте, в лучшем понимании этого слова – вот единственная реальная ценность, и это я со всей определённойостью понял. Всё остальное – несущественно и не имеет никакого значения. С того момента, как я осознал всё это, я больше не мог убивать. Меня спасло счастливое стечение обстоятельств: серьёзная контузия – госпиталь – и перевод в тыловую часть, уже до самого конца службы.

К моему удивлению, он слушает внимательно, и я решаюсь продолжить.

– Вот так изменились мои взгляды на жизнь, на всё. Да, я знаю, мир не переделать, всё останется, как есть. Может быть, всё скатится в пропасть. Но *не я* буду тому причиной. И дело не в какой-то ответственности перед миром, а в ответственности перед собой, *только перед собой*. Начинать надо всегда *с себя*. Это может показаться банальностью. Но если однажды ты стрелял в лицо человеку и не можешь потом забыть его лицо... то на эти вещи начинаешь смотреть по-другому. Ну... вот, вкратце, и всё моё миропонимание. Понимаю, это всё, конечно, звучит достаточно странно... Но только, если

кто-то оступился, не в моих правилах втаптывать его в грязь. Поэтому я и не хотел, чтобы Леонид пострадал из-за собственной неосторожности.

Вновь наступает молчание.

Старик смотрит на меня и не произносит ни слова – хотя, что, собственно, я ожидал от него услышать?..

Мне дали высказаться напоследок, ну что ж, спасибо и на том. Для такого человека как Старик и это уже немало.

Я решаю не ждать конца затянувшейся паузы:

– Эдуард Михайлович, мне написать заявление об уходе по собственному желанию или... меня уволят по статье?..

– Не думаю, что в этом есть необходимость.

Мне кажется, что я ослышался. Внезапно сильно заболела голова.

– В этом нет необходимости, – повторяет Старик.

Он молчит ещё несколько секунд, а затем тихо добавляет слова, смысл которых я не сразу могу осознать.

– Я очень благодарен вам, Евгений.

Обращение со стороны Старика к кому-то из подчинённых *по имени* считалось знаком величайшего расположения, только двое или

трое людей во всей огромной фирме могли похвастать такой привилегией.

– Более того, Евгений... Я ваш должник.

Старик устало потирает ладонью лоб. Я смотрю на него, пытаюсь понять, что происходит, но мне это не удаётся. Всё напоминает сон, вдобавок перед глазами расплывается марево боли.

Словно сквозь какую-то пелену, слышу я голос Старика.

– Знаете, Евгений, я очень редко ошибаюсь... в своей оценке того или иного человека... Кроме того, я собрал о вас дополнительные сведения, в придачу к вашему официальному досье. Теперь я вижу: с вами можно быть откровенным.

Быть откровенным?.. Я чувствую полнейшее недоумение, но вслух не решаюсь сказать ничего.

– Дело в том, что Леонид – мой... очень близкий родственник. Это я устроил его на работу в фирму.

Старик внимательно смотрит на меня, и мне стоит огромного труда не выдать своего изумления. Даже головная боль неожиданно отстывает, чего раньше никогда не случалось.

– Я знал, что это не лучшая идея... – продолжает наконец Старик. – Но Леонид так хотел работать, приносить какую-то пользу... Я не мог ему отказать.

Он на миг смолкает, но я уже привык к этой странной манере Старика говорить, обдумывая почти каждое своё слово.

– Эта ошибка в документах... – в его голосе я вдруг явственно чувствую ноты усталости. – Он не виноват. Леонид, как и вы, был на войне – да, той самой, вы же не понаслышке знаете, Евгений, что творится в одном из наших южных регионов. – Старик замолкает на пару секунд, а потом продолжает. – Но вы с ним похожи не только в этом. Он так же как и вы верил в свои идеалы. И однажды отказался стрелять. Тогда сотоварищи устроили ему казнь... мнимый расстрел за трусость. Поставили к стенке. Стреляли холостыми, но он-то не знал, что... С того момента его психика пошатнулась.

Да, я действительно удивлён. Кто бы мог подумать – Лёня тоже был *там*... Воистину, мир тесен.

– Я сумел вылечить его, поставить на ноги. Купил диплом, необходимый для поступления на работу. И теперь он неплохо справляется...

Пришлось, правда, приставить к нему сотрудника, как бы неофициального заместителя, который исправляет за ним все ошибки в работе. Дело ещё в том, что у Леонида случаются периоды... ну, как бы некоторого затемнения сознания, у него в момент подобного приступа путаются мысли, слегка нарушается координация движений и что-то в этом роде – всего на несколько минут, причём он потом ничего не помнит. Именно поэтому он большую часть времени проводит в одиночестве в своём кабинете, а также время от времени возникают проблемы с документацией – что-то там не так написал, подписал, и тому подобное – но мы эти мелочи до сих пор успешно разрешали. И, если бы не тот ваш излишне любознательный коллега, которого, кажется, зовут Филипп и который, кстати, и довёл до моего сведения подробности всей этой истории, – так вот, если бы не он, то всё было бы в порядке и по сей день...

Да, вот теперь всё действительно разъяснилось. Надо же, кому я, сам того не ведая, оказал услугу – лишь теперь мне, наконец, стал понятен смысл всех слов благодарности, сказанных Стариком.

– Евгений, я прошу вас сохранить наш разговор в тайне. Впрочем, я не сомневаюсь в вашей порядочности.

– Да, но Филипп... Он же в курсе и...

– Боюсь, что он вынужден будет покинуть нас. И поискать другое место работы, – голос Старика сразу будто наливается металлической тяжестью.

Вот уж, воистину, не рой другому яму, иначе сам в неё угодишь. Всё получилось наоборот – я, вероятно, остаюсь на своём месте, а вот Филиппу не позавидуешь.

Аудиенция, судя по всему, окончена, я готовлюсь попрощаться и уже приподнимаюсь с кресла, но Старик, видимо, угадав моё намерение, делает жест рукой, приглашая вновь садиться, а потом, после обычной для него недолгой паузы, произносит:

– Теперь мне хотелось бы поговорить о вас, Евгений. Через неделю открывается наше региональное отделение в Санкт-Петербурге. Что вы скажете насчёт должности его директора?

Что я скажу?.. Мне кажется, что я ослышался. Я знаю лишь, что только официальный оклад директора филиала превышает мой нынешний вдесятеро. Будь у меня такие деньжищи, я бы

наверняка отправил отца на операцию в ту московскую клинику, которую нам так рекомендовали, но мы и думать не могли оплатить стоимость курса лечения.

Наконец я обретаю дар речи.

– Эдуард Михайлович... это очень неожиданное предложение. Но... справлюсь ли я?

– Ну, вам предстоит пройти краткие курсы повышения квалификации. А в остальном я не вижу никаких препятствий для этого назначения. Необходимые навыки лучше всего приобрести в ходе работы, так сказать, непосредственно на практике. Сейчас мне хотелось бы знать ваше принципиальное мнение по этому вопросу.

– В таком случае... Я согласен, Эдуард Михайлович.

– Великолепно. Подробности мы уточним позже. И вот ещё что... – он медлит, как бы не решаясь сказать нечто, но не более мгновения. – Мне очень нужны такие люди, как вы, Евгений, уж не сочтите за комплимент. Способные не на словах, а делами отстаивать свои убеждения – подчас рискуя головой, но не отрекаясь от своих взглядов, и не прося ничего взамен. Люди, имеющие в жизни идеалы, как ни странно это

прозвучит. Почему так ценны именно идеалы?.. Да потому, что это слишком большая редкость в наше время. А всё редкое дорого стоит. Хотя это, конечно, не вопрос денег. Но, думаю, вы правильно понимаете, что я имею в виду.

– Полагаю, да, Эдуард Михайлович.

– Евгений, вы, насколько я знаю, живете вдвоём с отцом? – задаёт мне неожиданный вопрос Старик.

– Да, Эдуард Михайлович.

– Я тоже живу вдвоём с сыном. Интересное совпадение.

Мне тотчас вспомнились циркулировавшие в кулуарах фирмы неясные слухи о том, что у Старика, несмотря на его свирепые пуританские взгляды по вопросам морали, есть внебрачный ребёнок.

Сын. Несомненно, он его сын.

Лёня.

Вот вам и Акакий Акакиевич...

И Старик сам рассказал мне об этом. Трудно даже себе представить, сколь велика цена подобной откровенности. Но... Старик умный человек – он знает, что теперь я с ним, в его команде, и не из-за денег. Гениальный стратег, он к каждому подбирает свой ключик. Мне он

полностью доверился, потому что уверен, что я не предаю его.

– Эдуард Михайлович, разрешите один вопрос? – ещё не произнеся эту фразу до конца, я уже чувствую сожаление, что вообще решился заговорить на эту тему. Но мне действительно очень хотелось узнать кое-что – последнее тёмное пятно в этой странной истории. Да и раз уж речь зашла об откровенности...

– Пожалуйста, спрашивайте, Евгений.

– В таком случае... почему Леонид оказался *там*, на войне? Это очень странно, ведь он ваш близкий родственник и, исходя из этого, вполне мог бы не... – я всё-таки замолкаю, не решившись закончить фразу.

– Да, Евгений, я понимаю ваше недоумение на этот счёт, – отвечает Старик, и голос его почти ровен. – Это я виноват в этом. Я лишил его денег на продолжение образования. Мы тогда поссорились, у нас бывали размолвки, вот я решил показать ему... кто в доме хозяин... Он пошёл служить – что ещё ему оставалось?.. А потом мне пришлось испытать на себе, каково это: чувствовать себя человеком, который едва не убил собственного сына. – Старик вновь медлит, но лишь на мгновение, а потом

продолжает. – Именно это и заставило меня пересмотреть все мои жизненные взгляды. Все, без исключения. Может, я поздновато спохватился. Но лучше поздно, чем никогда.

– Стать человеком никогда не поздно.

Неужели это вырвалось у меня вслух?!

...Я чувствую, как мгновенно холодеют руки, а из-под ног словно уходит земля.

Один шанс.

Такой шанс, который бывает только раз в жизни.

И ты его упустил.

Неудачник всегда останется неудачником. Никто не тянул тебя за язык. Стоило только промолчать...

Я чувствую себя так, словно я парализован, не в силах ни сказать что-то, ни пошевелинуться.

...И вдруг вижу улыбку на лице Старика, и ещё замечая, что он беззвучно смеётся – даже лицо у него преобразилось от этой улыбки и этого смеха.

– Вот-вот, – кивает он, всё ещё смеясь. – В самую точку.

И тут же шутливо грозит мне пальцем.

– Ага, испугался. То-то же. Критиковать начальство. И как не стыдно?

Я только улыбаюсь ему в ответ – говорить я пока ещё не в состоянии, пережитое только что потрясение ещё не прошло до конца, и я чувствую, как дрожат мои руки.

Странный день.

И, наверное, самый счастливый в моей жизни.

И дело вовсе не в неожиданно свалившейся на меня должности – просто сегодня я узнал то, во что давно перестал верить и на что не смел уже и надеяться.

Что на свете есть люди, такие же, как я.

Что каждый из нас одинок, но мы можем разыскать друг друга.

Что у нас есть что сказать друг другу, и есть много дел, которые ещё нужно сделать.

Война закончилась. Я прорвался из окружения.

Прорвался к своим.

Борис Поляков

РУЧЬИ

По дорогам, словно змеи,
Расползлись ручьёв хвосты
И душить сугробы смеют
Без излишней суеты.

То ль весеннее рожденье,
То ль конвульсии зимы...
Всё сильней ручьёв стремленье
Добежать до Колымы.

Малыши бумагу портят
(Не тетрадь, а судоверфь!).
Навигация на флоте
На ручьёвом – в детство дверь.

Расползлись по всей округе
Ненасытные ручьи,
Никому они не слуги,
Не рабы они ничьи.

От ручьёвого объяття
Задохнётся мир в цвету,
Ледяное сменит платье
На зелёную фату.
2011 г.

ПРИЛЕТЕЛИ СКВОРЦЫ

Прилетели скворцы и расселись на тонкие
струны
Проводов электрических – ноты на нотном
листе,
Или странные, старые, богом забытые руны,
Или просто штрихи на несбывшемся чьём-то
холсте...

Между тем, у весны к презентации мало что
вышло:
Снег, не тая, лежит, о подснежниках речь
не веду.
Прилетели скворцы. Щебетанье отчётливо
слышно –
Снег ни снег, но пора – всё ж весна,
всем скворцам на беду.

Из досок, что берёг (может, завтра кроить
домовину?),
Я скворцам сколочу крепостные вместилища
гнёзд.
Прилетели скворцы. Так и хочется их
на картину!
Не пишу... Я во всём перед Пасхой держу
строгий пост.
2012 г.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

У вербы снова воскресенье –
Как каждый год.
Весна от холода спасенье
Всему несёт.

Ручей, мальчишка дерзновенный,
Подмыл забор.
Не сладил с ним сугроб надменный –
Исчез, как вор.

А верба серьги распушила –
Весны краса.
Синеет воздух, сердцу милый.
И небеса...

Дымы из труб почти увяли –
В них нет нужды.
Моль ждёт уж валенки и шали.
Полно воды...

И верба, всюду светит верба,
Вовсю цветёт!
Пчела собирает самый первый,
Душистый мёд.

А я свечу поставлю в храме –
Заздравный свет.
И подарю любимой даме
Из верб букет.

2012 г.

ВСТРЕЧА

В таёжных дебрях, среди листвы и хвои,
Где прежде не ступал ботинок мой,
Где звери ночью обречённо воют
(Туда забрёл с охотою грибной),
Наткнулся я на странное создание:
По виду дева, а по сути – тьма.

Зелёных глаз несносное сиянье
Влекло, пугало. Шаг – и без ума.
Весь облик слишком, слишком совершенен
И тем страшил до судорог души.
Облачена в одни лесные тени
И будто тени дланью ворошит.
Пытался я той деве что-то молвить,
Какой-то звук гортань моя несла...
Из глаз зелёных, из разящих молний
Она меня сразила...

И ушла.

А я стоял, как вкопанный по пояс
И долго с места сдвинуться не мог.
Могла б возникнуть сказочная повесть,
Когда б не оборвался сей пролог.
И кто ж она была? Богиня? Нечисть?
Не знаю, но внушил себе в бреду:
Её готов боготворить я вечность,
Пусть даже вечность проведу в аду.
С тех пор неоднократно возвращался
Я в тот глухой таёжный закуток,
Но с девой странной больше не встречался.
Но и забыть видение не смог!
Её могу теперь лишь в снах я встретить,
Куда она заходит иногда.

И даже в снах она несносно светит –
Моя зеленоглазая звезда.

2011 г.

ШАБАШ

Кострище язычески светит,
И искры безбожно летят.
О, кто ж обнажённые эти?
Все – в пляс, наготовою светя.

Зачем улюлюкать подзвёздно?
Луна от стыда – в облака.
На путь человеческий не поздно
Вернуться им наверняка,

Но пляшут. Волынки и бубны
Не жалуют ткань тишины.
И запах разносится трупный,
И видится тень сатаны...

А завтра опять благочинно
Кто в офис, а кто на завод –
Вновь дамы они и мужчины
С обычным набором забот.

Всё это, друзья, не приснилось,
У адского грелся огня.
Увы, в меня ведьма влюбилась,
На шабаш таскала меня...

2012 г.

ХАРОН

У Харона скопилось немало монет,
Но он всё ещё новую лодку не купит
И всё так же в лохмотьях везёт на тот свет
Души грешных людей, с телесами их вкупе.

Раскошешься, Харон! Прикупил бы паром
Или яхту приличную с дизельной тягой.
Я вот беден, как мышь, но пишу не пером,
А нормальной ручкой на белой бумаге.

И не хмурься! – тоска, наконец улыбнись –
Пассажирам твоим будет легче намного.
И к тому же не ты реквизируешь жизнь,
Ты всего лишь слуга у жестокого Бога.

2012 г.

АНГИНА

Чай горячий, как объятья,
Мёд духмян, как майский луг.
В это время должен спать я –
Не даёт уснуть недуг.

Полуночным чаепитьем
Я ангину прогоню
И микробов общежитье
Выдам жидкому огню.

И пока хвороба дохнет,
Что-нибудь да напишу,
У болезненного вдоха
Вдохновенья попрошу.

Вспомню май и пчёл жужжанье,
Вспомню встречу тет-а-тет...
Горячи, как чай, признанья,
Словно мёд, духмян букет.

Уходи скорей, ангина,
Забирай бессонный бред!
Я ж поем ещё малины,
Завернусь потуже в плед...

2012 г.

* * *

Моя душа из стали и цемента,
Болты и гайки – это мой крепёж.
Не признаю я лесть и комплименты,
Считаю их за полный выпендрёж.

А рядом много душ довольно хрупких!
Дыхни на них – умрут во всей красе.
Тяну я к ним свои стальные руки –
Так хочется порою быть как все.

2012 г.

ПАСМУРНОСТЬ

Небо порою хмурится,
Льёт депрессивно дождь.
Я – на промокшей улице
И приручаю дрожь.

Мысли мои несветлые
С тучами заодно.
Образы несусветные –
Это ли не кино?

Ждёт ли в уюте кресельном
Душу мою тепло?

Дождик стучит невесело,
Хочет разбить стекло...

Не о дожде, наверное,
Эти шестнадцать строк.
От настроенья скверного
Гром надавил курок...

2010 г.

УХОДЯТ ГОДЫ

Уходят годы лёгкою походкой,
Но вот моя всё более грузна,
И не приносит облегченья водка,
И раздражает слякотью весна.

Одно лишь дух смятенный как-то тешит:
Смеются дети, плачут и шалят –
И вроде как я не настолько грешен
И костерю не всё и всех подряд.

Визг малышни, купающейся в речке –
Как будто зов ушедшим дням моим.
Всё новые на свете человечки
Рассеивают лет грядущих дым.

2009 г.

* * *

Тишиной нечаянной укутан –
Будто приз неожиданный получил.
Как давно хотел душе уюта!
И награда – тишина в ночи.

Мотыльки и те над фонарями
Прекратили громко трепетать.
Расставаться сердцу с якорями –
Давняя бессонная мечта.

Только звёзды еле слышно шепчут,
Надломив блаженство тишины:
«Не печалься. Скоро будет легче.
Нет ни в чём, Поэт, твоей вины...»

2012 г.

* * *

Я боюсь, что тебя не узнаю в толпе –
Шумный люд ничего о любви не слышал.
Эти красные розы в газете – тебе,
Но вокзалу плевать, он по жизни нахал:
Зазывал взбудоражил, рассеял толпу,
Перепутал перроны, пути разбросал...

Чемоданы в руках, рюкзаки на горбу,
Тепловозною гарью плюёт в небеса...

Где-то там, в муравейнике этой толпы,
Из вагона ты вышла, устало глядишь.
Говорят, что влюблённые люди глупы,
Но, надеюсь, не я! И не ты, мой малыш!
Я ищу! Подожди, не спеши уходить –
Не способен тебя я вот так обмануть.
Просто много людей мельтешит впереди,
Просто поезд другой и неправильный путь...

Розы где-то помял, сам растерян и смят,
От тревоги шепчу, бормочу невпопад:
«Проклятуший вокзал – инквизитор судьбе.
Я боюсь, что тебя не узнаю в толпе...»
2012 г.

НА РЫБАЛКЕ

Уха и чай. Костёр и разговоры.
Река шумит – не слышно и листвы.
Отдохновенье слуху, сердцу, взору –
Здесь, видимо, обитель трын-травы.

Уйти на ночь от всех цивилизаций,
Забыть на миг, что негасим кредит.
И каждой искре в небе удивляться –
Непорченный и непорочный вид.

В палатке пахнет хвоей и осокой,
Вдохнёшь разок – провалишься в Эдем.
И колыбелит пение потока,
Не знающее жизненных проблем.

А утром – снова чай в густом тумане
И первая поклёвка на живца.
Я на рыбалке. Нахожусь в nirване.
Благодарю за навыки отца.

2011 г.

САД ЛЮБВИ

Полон сад благоуханий
Под задумчивой луной.
Ночь полна в любви признаний,
Дышит яркой новизной.

Голосисты нынче птицы –
До рассвета не унять.

Ну и как тут не влюбиться?!
Как в такое время спать?

Сад таинственен и нежен,
Чувства страстны и глупы.
Направляю я всё реже
В сад любви свои стопы...

2011 г.

* * *

Зима ушла – и слава Богу!
Пора уж нам весну встречать.
Прозрело солнце – понемногу
Теплом старается крепчать.

Набухли вербы хлёсткой почки,
Вот-вот взорвутся белизной.
И я из тела-оболочки
Хотел бы вырваться весной.

2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Олег Гальченко.....	6
Валерий Тищенко.....	16
Снежана Андрианова.....	26
Людмила Мысова.....	36
Павел Слатвинский.....	46
Лариса Климова.....	56
Виталий Ключанский.....	66
Дмитрий Галь.....	76
Светлана Сарычева.....	86
Евгений Бригиневич.....	96
Фрези Грант.....	106
Иван Заровский.....	116
Владимир Хитрых.....	126
Олег Грацелев.....	136
Алла Зенина.....	146
Владимир Кузнецов.....	158
Борис Поляков.....	189